

бернард
[верббер]

ОТЕЦ
НАШИХ ОТЦОВ

...После «Муравьев» и «Танатонавтов» я решил обратиться к классическому сюжету. И создал своего собственного Шерлока Холмса.

Роман «Отец наших отцов» – один из моих любимых. Сначала кажется, что это детектив, в котором действие развивается по законам жанра: преступление, расследование, подозреваемые. Затем...

Что делать, писать в предложенных рамках я не люблю. Зато люблю удивлять. И это у меня неплохо получается...

Бернард Вербер

Бернард Вербер

Отец наших отцов

Посвящается Барнабе

*«Между
тем, что я думаю,
тем, что я хочу сказать,
тем, что я, как мне кажется, говорю,
тем, что я говорю,
и тем, что вы хотите услышать,
тем, что, как вам кажется, вы слышите,
тем, что вы слышите,
тем, что вы хотите понять,
тем, что вы понимаете,
стоит десять вариантов возникновения
непонимания.
Но все-таки давайте попробуем...»*

Эдмонд Уэллс.

Энциклопедия относительного и абсолютного знания

1. ТРИ ВОПРОСА

Кто мы?

Куда мы идем?

Откуда мы пришли?

2. БУТЫЛКА В МОРЕ

Париж. Наши дни.

Профессор Аджемьян вышел из кухни.

Сел за письменный стол, достал черную ручку и написал в блокноте: «Все. Я наконец нашел. Я знаю ответ на один из трех основных вопросов, которые задает себе любой представитель рода человеческого: «Откуда мы пришли?»».

Секунду он колебался, не зная, как лучше продолжить, затем принялся строчить: «Я знаю, когда появился первый человек. Знаю, почему однажды животное превратилось в существо с настолько сложным мозгом, что оно способно заниматься любовью, обернув пенис пластиком, смотреть телевизор четыре часа подряд и добровольно давиться с сотнями себе подобных в духоте подземных поездов».

Он растянул губы в безрадостную улыбку, глубоко вздохнул и продолжил: «Я знаю, почему и как родилось человечество. Я знаю того, кого, за неимением лучшего определения, обычно называют «недостающим звеном»».

Щека профессора дернулась от нервного тика.

«Этот секрет ужасен. Мир будет поражен, когда я его открою. Поэтому мне нужна твоя помощь, помощь того, кто читает это. Ты не должен бросать меня».

Чернила в ручке закончились. Он торопливо достал другую. «Я совершенно уверен в моем открытии, но ты знаешь людей. Большинство ничего не слышит. Те, кто слышит, не слушают. Те немногие, что слушают, не понимают. А тем, кто мог бы понять... им наплевать. Зачем открывать секрет возникновения человечества, если никто не готов его воспринять? Сделать подарок недостаточно. Надо подготовить людей к этому подарку. Известие о том, что земля круглая, завоевало умы далеко не сразу. И секрет недостающего звена тоже надо распространять не торопясь. Никого не подталкивая. Сначала разбудить давно заснувшее старое доброе любопытство, а затем его удовлетворить».

Профессор Аджемьян перечитал абзац и принялся писать дальше: «Секрет этот способен привести всех в замешательство. До начала моих изысканий на африканском континенте я и не подозревал, что обнаружу там. Но, умоляю, поверь мне. Я нашел истину, истинную истину. И у меня есть доказательства».

Он вытер рукой лоб, покрытый каплями пота.

«Без тебя, без твоей веры, доверия, поддержки, мой труд бесполезен. Помоги мне, прошу тебя. Пришло время ответить на великий вопрос: «Откуда мы пришли?»».

3. СПАСАЙСЯ КТО МОЖЕТ

Где-то в Восточной Африке.

Примерно 3 миллиона 700 тысяч лет назад.

ОН появляется между двумя возвышенностями.

ОН бежит со всех ног.

ОН слышит хриплое дыхание брата.

Момент очень ответственный.

Они с братом приблизились к стае гиен. Привлекли внимание животных жестами и ворчанием. Гиены тут же начали преследовать их. Обычно гиену так заманивают в ловушку. Их задача – привести гиену к большому дереву. Притаившиеся на нижних ветках члены их стаи прыгнут на животное сверху и, пользуясь численным преимуществом, убьют его.

Но сегодня могут быть проблемы. Первая: гиена не одна, их три, они очень крупные. Проблема вторая: во время панического бега они с братом потеряли ориентиры и теперь заблудились.

Где это большое дерево, на котором спрятались их собратья?

Они бегут. Они видят большую лужу, полную жидкой грязи. Ни секунды не размышляя, они бросаются в нее. Грязь – прекрасное препятствие для гиен. Они с братом умеют бегать и на четырех, и на двух лапах. Гиены так не могут.

Они поднимаются, встают на задние лапы и быстро пересекают лужу. Грязь налипает на конечности, но почти не замедляет их движения, а вот гиены увязают в глине всеми четырьмя лапами. Они были уверены, что гиены прекратят преследование, но гиены, с трудом выбравшись из грязи, продолжают погоню с удвоенными силами.

ОН и его брат убегают.

Самая быстрая гиена почти догнала их. ОН чувствует ее зловонное и жаркое дыхание на своих икрах. Основное правило в беге на скорость – никогда не оглядываться. Что бы ни происходило. Но любопытство пересиливает. ОН хочет понять, не пытается ли гиена схватить его. ОН слегка оборачивается и видит раскрытую пасть, острые клыки, готовые вонзиться в его плоть.

4. В ВАННЕ

Глубокая рана ниже пупка выглядела как страшная улыбка. Что-то острое ударило профессора Аджемьяна в живот.

Он сидел, уже окоченевший, с удивленным лицом в луже собственной крови.

Скрипнула входная дверь.

Профессора обнаружила женщина, которая приходила помогать ему по хозяйству. Она начала убирать квартиру, насвистывая португальскую песенку-считалку, и вдруг заметила неподвижно сидящее в ванне тело ученого. Она пронзительно вскрикнула, быстро перекрестилась и бросилась за мужем, который служил охранником на первом этаже. Мужчина поднялся в квартиру, пробурчал несколько ругательств, касающихся неизвестных широкой публике обстоятельств интимной жизни некоторых португальских святых, и позвонил в полицию.

На лестничной площадке столпились соседи, привлеченные шумом, но благоразумно не двинувшиеся дальше порога.

Приехали трое полицейских, официально взявшие место происшествия под контроль.

Явился молодой инспектор, равнодушный и замученный.

За ним – журналист из агентства печати, перехвативший вызов полиции по радио в своей машине.

За ним – два журналиста из ежедневных газет с затуманенным после вчерашней попойки сознанием.

За ними – еще соседи, которые расспрашивали тех, кто пришел раньше: «Что тут произошло?»

За ними – журналистка из еженедельника, проживавшая этажом выше, спокойно спускавшаяся по лестнице и привлеченная суматохой. Она показала удостоверение, и полицейский ее пропустил.

За ней – мухи.

За ними – трупоядные клещи. Они так малы, что не могут быстро преодолевать большие расстояния, поэтому они добрались к телу последними.

Молодой инспектор внимательно изучил место преступления, прочесав его вдоль и поперек, и поделился своими соображениями с журналистами.

По его мнению, преступление совершил скорее всего случайный серийный убийца. По кварталу их бродит множество. Обстоятельства каждый раз бывают именно такими. Убийца ходит по коридорам домов в поисках полуоткрытой беспечным жильцом двери. Как только он находит такую дверь, то проникает в квартиру, хватает первый попавшийся предмет, который можно использовать как оружие, и убивает.

– Это пятое подобное преступление с начала месяца. Все абсолютно совпадает. Следов взлома нет, дверь цела. Случайное орудие, взятое здесь же, – в данном случае ледоруб палеонтолога. Убийца, видимо, унес его с собой после совершения преступления и позже выбросил в какую-нибудь урну. Если мусор еще не вывозили, его можно будет найти в ближайшем баке.

Расследование закончилось, не успев начаться. Молодой полицейский попросил журналистов обязательно напомнить читателям, чтобы они всегда закрывали двери в свои квартиры. Особенно в больших городах, где никому не стоит доверять.

Журналисты даже не потрудились записать этот совет. Они достали фотоаппараты и начали толкаться, чтобы сделать снимки получше.

– Инспектор издали наблюдал за журналисткой из еженедельника. В этом безрадостном месте она казалась чем-то феерическим. У нее были длинные рыжие, в кудряшках, волосы, перехваченные бархатной черной лентой, изумрудно-зеленые глаза, китайская блузка без рукавов открывала изящные плечи и скрывала шею за стоячим воротничком. Двигалась она грациозно, словно маленькая мышка... Когда она поймала его заинтересованный взгляд, инспектор решился:

В каком журнале вы работаете и как вас зовут, мадемуазель?

– Лукреция Немро, из «Современного обозревателя». Не тратьте время на ухаживания, я не смешиваю работу и удовольствия, – отвергла она его сразу, не прекращая жевать жвачку.

Молодой человек покраснел и направился к полицейским, охранявшим дверь, которых как следует отчитал за то, что они еще не разогнали толпившихся на лестнице соседей.

А журналистка удачной репликой достигла цели. Оставшись в одиночестве, она смогла спокойно изучить бумаги, лежавшие на письменном столе убитого. Одна папка называлась «Биография». Она открыла ее. Профессор Аджемьян, по-видимому, был научным светилом и обладал множеством дипломов по палеонтологии, как французских, так и английских и американских университетов.

Журналистка полистала папку «Пресса» и прочла одну из последних вырезок. Профессор Аджемьян сообщал, что скоро приступит к исследованиям в Танзании, в долине Олдувай, а также говорил о своем намерении вскоре открыть « истинную природу недостающего звена» в истории происхождения человечества.

Вдоль стен стояли скелеты обезьян. Справа, в витрине лежали сотни ископаемых костей, покрытые желтым лаком и снабженные табличками. Слева находились фотографии гримасничающих шимпанзе и инструменты для раскопок: кирки, лопаты, щетки, скребки, щипчики, лупы, ледорубы всех размеров.

Журналистка прошла в ванную. Под вспышками фотоаппаратов тело профессора Аджемьяна напоминало восковой манекен, облитый сливовым соком. Трупное окоченение сделало свое дело. Ученый сидел с широко открытыми остекленевшими глазами, с поднятыми бровями и открытым ртом.

Но было что-то странное в его позе. Левая рука была опущена в воду последнего омовения, а указательный палец правой руки, вцепившейся в край ванны, указывал на зеркало.

Словно за мгновение до смерти ученый хотел показать на то, что в нем отразилось.

5. ЖИВОТНЫЙ СТРАХ

Взбешенный зверь почти настиг его.

ОН еле-еле увернулся от челюстей гиены.

Чтобы выпутаться из положения, неизбежно ведущего к катастрофе, надо изменить направление движения.

Эта мысль снова и снова возникает в его мозгу.

ДЛЯ ТОГО ЧТОБЫ ВЫПУТАТЬСЯ ИЗ ПОЛОЖЕНИЯ, НЕИЗБЕЖНО ВЕДУЩЕГО К КАТАСТРОФЕ, НАДО ИЗМЕНИТЬ НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ.

Повторяя фразу, ОН вдруг понимает ее значение и резко сворачивает вправо.

Изменение маршрута.

Его преследователи также вынуждены изменить направление. Быстрее всех реагирует его брат. Но гиены наступают им на пятки. Вечная проблема с гиенами – они никогда не сдаются. Они способны гнаться за добычей несколько дней, преодолевая огромные расстояния.

ОН увеличивает шаг. Его брат теряет силы, дыхание его становится все более хриплым. Увы. Если у тебя нет длинных острых клыков, тебе необходимы большой объем легких и мускулистые лапы.

Его брат надеется отыскать большое дерево и постоянно вглядывается вперед. Но в поле зрения ничего не появляется. Вместе с жарой приходит засуха, деревья чахнут, их ломают слоны, и в результате участков, лишенных леса, становится все больше. Все чаще встречаются степи с высокой травой, саванны с островками акаций и баобабов, все реже – деревья с густой листвой. ОН с сородичами становится все более легкой добычей для хищников.

Гиены бегут все быстрее. Одна быстрым ударом лапы сбивает брата с ног, и тот кубарем летит на землю. В этом недостаток прямохождения – любая подножка может стать роковой. Две гиены кидаются к нему. Одна вцепляется ему в нос, чтобы удержать жертву на земле, другая вгрызается в живот.

Прощай, старина. На соболезнования нет времени.

Третья, самая крупная гиена продолжает преследование. ОН двигается зигзагами, чтобы ее утомить. Тщетно. ОН понимает, что если в самое ближайшее время не найдет сородичей, то погибнет.

Где они могут прятаться?

6. РУБРИКА «ОБЩЕСТВО»

Они собрались в маленьком конференц-зале на втором этаже, на заседании редколлегии раздела «Общество» «Современного обозревателя». Лукреция впервые участвует в этом ритуале, и Франк Готье, научный обозреватель, предложил ей сесть рядом с ним.

Курьер принес стопку журналов, которые завтра появятся в продаже. Каждый берет по экземпляру, чтобы проверить, не вырезана ли его статья в последний момент и на месте ли подпись.

Кристиана Тенардье, главный редактор раздела, восседает в просторном кабинете за массивным письменным столом с холодной мраморной столешницей. Она приветствует присутствующих и объявляет, что времени мало, так как во время обеда у нее состоится важная встреча. Как обычно, Кристиана просит всех, кто будет предлагать темы для следующего номера, высказываться по очереди.

Максим Вожирар, социолог и юморист, берет слово первым. Он собирается написать статью о представителях вымирающей профессии – о торговцах требухой. Из-за недавно обнаруженного коровьего бешенства, а также необъяснимой брезгливости потребителей внутренности – печень, почки, головной и костный мозг – больше не пользуются спросом, и такие традиционные блюда, как потроха по-кански, мозги с каперсами и почки в мадере, исчезают из меню ресторанов.

Тенардье соглашается, что этому явлению нужно объявить бой, и одобряет реабилитацию блюд из потрохов.

Флоран Пеллегрини, великий криминальный репортер, хочет расследовать историю одной старушки, которая жила затворницей в своей парижской квартире, а потом была сожрана собственными кошками.

– Отличный черный детектив, – поддерживает Тенардье. – Неплохо бы описать все это с юмором.

Клотильда Планкаое, журналист-эколог, напоминает, что Чернобыльская АЭС, хотя об этом больше и не говорят, продолжает медленно оседать и угрожает затронуть горизонт грунтовых вод, а следовательно, заразить всю питьевую воду в регионе.

Тенардье, поморщившись, замечает, что эта тема уже приелась.

Тогда Клотильда предлагает статью о массовых самоубийствах китов на побережье Калифорнии.

– Известно, что киты поют, издавая ультразвуковые сигналы, распространяющиеся на большие расстояния. Шум корабельных двигателей заглушает их пение. Киты не могут переговариваться и, ощущая нехватку общения, кончают жизнь самоубийством.

Кристиана Тенардье взмахнула рукой.

– Совершенно неинтересно. Бедная Клотильда, не стоит и приходить на наши собрания, если ваше воображение питается избитыми сюжетами, из которых англосаксонская пресса уже давно высосала все, что можно.

Клотильда Планкаое бледнеет и выбегает из кабинета, чтобы не доставить начальнице удовольствия видом своих слез. Кристиана пожимает плечами и раскуривает сигару.

– Клотильда слишком чувствительна, – заявляет она. – В нашем ремесле надо иметь яйца.

Флоран Пеллегрини хочет выйти, чтобы утешить молодую журналистку, но Тенардье останавливает его.

– Оставь. Она переживет этот маленький приступ честолюбия и вернется. В любом случае у нее нет выбора. Следующий.

Жислен Бержерон предлагает поднять школьную тему: в лицеях царит атмосфера террора, преподаватели боятся учеников, которые приходят на уроки с ножами или пистолетами, купленными на черном рынке.

– Учителю, который поставит плохую оценку, могут проткнуть шины автомобиля и даже угрожать смертью. Нервы многих учителей настолько истощены, что администрация открывает уже девятый центр восстановления здоровья для педагогов.

– Отличная тема. Среди наших подписчиков много учителей.

Когда подходит очередь Кевина Абитболя, журналиста-универсала, он предлагает опубликовать список ста самых богатых французов.

Эта тема уже звучала меньше месяца назад, но людям нравится знать имена тех, кому можно завидовать, это всегда гарантирует высокие продажи.

На данный момент самые беспроектные темы: завидные холостяки, масоны, кризис недвижимости и, конечно, сто самых богатых французов. За ними идут новые диеты, Бог и наука, боли в спине и сексуальность французов.

Как только продажи падали, руководство пускало в ход эти вечные ценности. И как раз сейчас количество читателей упало. Согласно официальной версии, во всем было виновато всемогущее телевидение, а неофициальная версия обвиняла конкурентов, которые недавно стали публиковать на обложках своих изданий завлекательные анонсы:

«холостяки-масоны» или «Бог и сексуальность французов». Пришла пора пускать в ход тяжелую артиллерию.

Тенардье нравится это предложение, и она продолжает заседание. Франк Готье, журналист, освещавший события в мире науки, предлагает статью «Причина гомосексуальности – в наследственном гене». Он говорит о серьезных научных исследованиях, проведенных одной американской лабораторией. «Научный», «серьезный», «американская лаборатория» – эти три термина способны придать основательность любому сюжету.

Флоран Пеллегрини поднимает руку.

– Э-э-э... Наследственный ген? Франк, я, конечно, не ученый, но мне кажется, что... гомосексуалисты не размножаются.

Раздаются смешки, и это выводит заведующую из себя.

– Отличный сюжет, – резко говорит она. – Эта статья привлечет многих гомосексуалистов. Просто потому, что они захотят узнать, правда это или нет.

Франк Готье решает, что пора представить новую стажерку. Он сообщает, что Лукреция Немро работала в ежедневном издании на севере Франции и получила отличные рекомендации главного редактора.

Кристиана Тенардье окидывает новенькую взглядом, задерживается на округлой груди и длинной рыжей шевелюре. У самой заведующей волосы короткие и обесцвеченные. Пожилая самка сразу же видит в молодой соперницу. Обоняние подтверждает, что она не ошибается. Лукреция Немро благоухает свежими гормонами, а Кристиана Тенардье вынуждена обильно поливаться дорогими духами.

Кроме того, Лукреция от природы грациозна. Но больше всего задел Кристиану наглый взгляд.

Тенардье сдерживается. Она помнит статью Пеллегрини о женских тюрьмах. Когда в тюрьме появляется слишком хорошенькая новая заключенная, старожилки царапают ей лицо острыми краями кусков сахара. Почему сахар? Потому что шрамы от кусков рафинада остаются навсегда.

– Региональные ежедневники действительно великолепная школа, – снисходительно говорит она. – Какой сюжет предлагаете?

Лукреция встает.

– Утром, выходя из квартиры, я заметила скопление людей этажом ниже. Произошло убийство. Моего соседа убили ледорубом в живот, когда он принимал ванну.

Тенардье снова раскуривает сигару, которая едва не погасла, и выпускает несколько клубов дыма во все стороны, словно напоминая, что обладает властью отравлять легкие присутствующих.

– Преступление? Это к Флорану Пеллегрини.

– Жертва – человек известный. Это профессор Аджемьян, один из ведущих мировых экспертов в области антропологии. Он поставил себе целью найти недостающее звено.

– Найти что?

Недостающее звено. Раскрыть тайну происхождения человека. Однажды обезьяна превратилась в человеческое существо. Но была переходная фаза. Ученые обычно называют это промежуточное существо «недостающим звеном». Профессор Аджемьян посвятил всю жизнь поискам недостающего звена, и я убеждена, что его убийство не случайно, как думает полиция, а напрямую связано с тем, что он открыл этот секрет и собирался поведать о нем миру. Его хотели заставить замолчать. Я предлагаю статью о последних открытиях, касающихся происхождения человека, и расследование обстоятельств смерти профессора Аджемьяна. Что-то вроде палеонтологического детектива.

Заведующая отвечает не сразу. Она обрезает обмусоленный кончик сигары, снова смотрит на стажерку и решает, что та действительно чересчур хорошенькая.

– Нет.

– Нет?!

– Нет. Ваш сюжет меня не интересует.

– Но почему? – настаивает Лукреция.

– Вы слишком молоды и работали только в провинции, поэтому у вас несколько наивное представление о нашей профессии. В еженедельнике нельзя разрабатывать такую горячую новость, как смерть ученого. Мы всегда будем отставать от ежедневных изданий. Я, кстати, совершенно уверена, что это дело уже достаточно широко освещено в ежедневной прессе.

Франк Готье подтверждает, что прочел в сегодняшних газетах несколько некрологов, посвященных профессору Аджемьяну.

– Ваш профессор не годится для СМИ, – важно заявляет Тенардье. – Актер, певец, топ-модель – только такие люди интересуют публику. Смерть ученого – скучный сюжет для рубрики «Происшествия».

Лукреция с вызовом смотрит своими изумрудными глазами в карие глаза начальницы.

– Именно поэтому я предлагаю исследование, посвященное происхождению человека. Это один из трех главных вопросов, которые задает себе каждый. Кто мы? Куда идем? Откуда пришли?

Заведующая рубрикой рада, что сумела вывести красотку из себя. Устроившись поудобнее в директорском кресле из кожи буйвола, она наносит последний удар.

– Деточка, не надо дерзить. Я обламывала и более упрямых. Вас должны мучить не три вопроса, а один-единственный: «Как найти сюжет, который понравится главному редактору?».

Снова раздаются смешки. Присутствующие чувствуют, что напряжение растет, и стараются продемонстрировать единодушное одобрение существующего порядка.

– Вот и все! – бормочет Максим Вожирар.

– Но... – пытается возразить Лукреция.

Франк Готье изо всех сил наступают на ногу стажерке, чтобы заставить ее замолчать. Это больно, как удар током, девушка открывает рот, но не может закончить фразу.

– Следующий! – бросает начальница, закрывая прения.

После редколлегии журналисты раздела «Общество», как обычно, переместились в «Эльзасское кафе» в нижнем этаже здания и начали заказывать пиво – кружка за кружкой, пока не почувствовали, что мир начал чуть-чуть покачиваться.

– Будь осторожнее, – посоветовал Лукреции Франк Готье. – Зря ты ей так отвечаешь. Тенардье – крутая тетка. Если она тебя невзлюбит, то все жилы вытянет.

Она думает, что если ее не будут бояться, то перестанут уважать. В прошлом году она одну девчонку так унижала на собраниях, что той пришлось уволиться, – добавил Кевин Абитболь.

– Она жестокая. Беспочинная жесткость – роскошь истинных начальников, – важно изрек Максим Вожирар.

Вопреки своим сатирическим статьям, в которых он высмеивал человеческие пороки, этот журналист необычайно угодлив с любым начальством.

– За это их и уважают, – заключил Жислен Бержерон, завидовавший Вожирару, ходившему у Тенардье в любимчиках.

– Раз так, я лучше уйду из этой редакции, – мрачно сказала Лукреция.

– Не стоит. Если ты не будешь продолжать упираться, все будет хорошо, – ответил Франк Готье. – Она отвергла бы любое твое предложение просто потому, что любит ставить новичков на место. Особенно женщин. Она женщин не любит. Но я хорошо знаю Тенардье. Она быстро вспыхивает и быстро остывает. Брось ты это недостающее звено, найди другую тему. Типа «надо ли сводить бородавки со ступней». Об этом она тебе не помешает написать. К тому же ей ужасно нравятся такие статьи.

Лукреция обвела взглядом присутствующих.

– Бедные мои друзья, вы так трепещете перед ней? Я вас действительно не понимаю! Вам неинтересно узнать правду о происхождении человека?

– Нет, – признал Жислен Бержерон.

– Мне тоже, – подтверждает Флоран Пеллегрини. – Мой отец был алкоголиком. Возвращаясь из пивной, он осыпал меня затрецинами. И я совершенно не хочу знать, кто его породил. Они наверняка были еще хуже.

Лукреция стучит ладонью по столу.

– Эй, ребята! Я серьезно! Происхождение человечества – это главный вопрос. Откуда мы? Почему люди появились на этой земле? Почему ты, Максим, и ты, Жислен, почему вы здесь, в одежде, пишете статьи вместо того, чтобы голыми собирать с деревьев зрелые фрукты? Откуда мы? Более потрясающей темы и не существует. Мне наплевать на бородавки на ступнях. Меня не волнует наследственная гомосексуальность. Мне чихать на сотню самых богатых французов. Сейчас, кстати, я нахожусь среди самых отсталых представителей человечества и с изумлением констатирую, что они почему-то называют себя журналистами. Я всегда считала, что к этой профессии по праву принадлежат самые любознательные и передовые люди. А вас, я вижу, интересуют только отношения с властью внутри вашей редакции.

Франк Готье большими глотками осушил кружку и счел нужным осадить юную стажерку:

– Так, малышка, давай-ка вспомним об уважении к старшим. Кто ты такая, чтобы нас судить? Здесь ты никто и ничто. Если хочешь, чтобы тебя приняли как полноправного члена в наш журналистский круг, пригнись и сиди тише воды, ниже травы.

Лукреция встала, чтобы уйти.

– Ладно, я поняла. Предложу эту тему в другой еженедельник.

Флоран Пеллегрини схватил ее за локоть.

– Подожди, не будь такой чувствительной. Если все будешь принимать так близко к сердцу, долго в журналистике не продержишься. Дай подумать, может быть, есть способ выйти из

положения.

Луcreция высвободила руку, поскольку Пеллегрини успел как бы ненароком коснуться ее груди.

– Ну, и в чем твоя идея?

Ее коллега произнес лишь одно имя:

– Исидор Катценберг.

Все стали рыться в памяти, пытаясь вспомнить человека с таким именем.

– Вы не помните Катценберга?

Жислен Бержерон нахмурился.

– Катценберг? Которого прозвали «научным Шерлоком Холмсом»?

– Он самый.

– Он ни слова не написал за последние десять лет, – напомнил Максим Вожирар. – Говорят, он живет отшельником в каком-то замке.

– Возможно, но это не имеет значения. Он писал о науке так, как пишут детективы. А это ведь именно то, что ты хочешь сделать?

– Катценберг? Да он выбыл из игры, – пренебрежительно сказал Франк Готье.

Флоран Пеллегрини сделал еще один большой глоток пива и отеческим жестом положил руку на плечо девушки. На этот раз она его не оттолкнула.

– Я убежден, что если малышка сумеет пообщаться с ним и заразить его своим энтузиазмом по поводу недостающего звена, то он сможет помочь. Прямо скажем, не каждое утро убивают палеонтологов с мировым именем. Катценберг точно на это клюнет. А если он согласится влезть в это дело, то его подписи будет достаточно, чтобы убедить Тенардые.

Изумрудно-зеленые глаза Луcreции засияли. Она достала записную книжку:

– И где живет ваш Шерлок Холмс?

7. ЗАПРЕТНЫЕ ПОМЫСЛЫ

Прямо за ним.

Гиена прямо за ним.

ОН знает, что она не прекратит преследование.

В этой игре обязательно должен быть победитель и побежденный.

Гиена набирает скорость. Переходит с рыси на галоп. ОН делает то же самое. Его пересохшие ноздри быстро втягивают воздух, который ОН резко выдыхает ртом. Кровь, бешено пульсирующая в мышцах, кипит.

Гиена мчится во весь дух. Она собирается схватить его, собирает все свои силы. Его молекулы напрягаются в поиске глюкозы, способной увеличить энергию бега. Но страх замедляет поступление углеводов. ОН чувствует, как паника, его вечный враг, поднимается от пальцев ног к голове. Узнает пощипывание в венах, признак поступления чистого адреналина.

А собратья все не приходят ему на помощь, гиена побеждает. Паника захлестывает его. И тут происходит нечто странное. На пике отчаяния ОН словно слышит щелчок в мозгу...

Словно в его разуме открывается дверь. Ему кажется, что ОН покидает тело. ОН видит себя со стороны. Ему кажется, будто весь этот ужас происходит с кем-то другим, ОН лишь наблюдатель.

В пароксизме паники ОН полностью отрешается от происходящего. Как будто его тело уже не существует, как будто ОН покинул его. ОН перестает ставить во главу угла собственное спасение. Его жизнь кажется ему обычным явлением в ряду тысяч других. Не менее, но и не более интересным, чем другие.

Страх перед гиеной совершенно исчезает. ОН думает, что не имеет ничего против нее лично. Животное должно кормить своих детей. Оно также обессилено и возбуждено, как и ОН сам. ОН понимает, как ему страшно упустить добычу. Чувствует панический ужас гиены перед возвращением к детенышам без пищи.

Обычно гиены питаются только сильно разложившимися останками. То, что эта особь атакует движущееся мясо, является признаком большого честолюбия. ОН вспоминает, как наблюдал издали за стаями гиен. ОН видел, как они отгрызают мясо и кормят детей, помнил тошнотворную вонь, сопровождавшую их пиры. Если ешь сгнившие трупы, пропитываешься их запахом.

Может быть, его преследовательница так упорно гонится за ним, чтобы вывести свое племя из мира гнили, принеся ему свежего мяса.

ОН должен гордиться участием в таком прорыве сознания. Короче говоря, думает ОН, и сам ОН, и гиена преследуют одну и ту же цель – они стремятся к тому, чтобы их вид эволюционировал. Они хотят, чтобы дети жили лучше, чем родители.

Гиена надеется добиться этого охотой. ОН пытается добиться того же, заманивая хищника в ловушку.

Эволюция вида. Это гораздо интереснее, чем старания «выжить любой ценой, чтобы пробыть здесь на день дольше». ОН задумывается, не лучше ли позволить себя съесть. Это будет новый тип поведения. Самоотречение добычи для улучшения качества жизни хищника. Эта мысль заставляет его чуть замедлить бег.

Ладно. Так или иначе, пора заканчивать. ОН притормаживает еще сильнее. Но именно в эту минуту ОН замечает какое-то движение на холме. Будто какие-то птицы на ветках размахивают руками. Руками?

ОН вышел к старому дереву! А эти странные птицы – его сородичи, жестами сообщающие

ему о готовности к атаке.

И ОН устремляется к ним.

8. ХОЗЯИН ВЫСОКОЙ БАШНИ

Лукреция гнала во весь опор, вцепившись в руль мотоцикла «Гуччи». Пластиковые очки, кожаный шлем и развевающиеся по ветру рыжие волосы: она напоминала первых летчиц, покорительниц небес.

Она с ревом обошла грузовик. Помахала, извиняясь, водителю и выжала газ.

В коляске мотоцикла свалена куча разнообразных предметов: тросы, веревки, одеяла, матрасные пружины, держатели для занавесок, куски картона, звякающие на каждом вираже железки. Издалека могло показаться, что она перевозит хозяйственный или строительный мусор.

На баке мотоцикла нарисован Ганди, курящий косячок. На номерной табличке надпись: «Я вернулась. В аду слишком тесно».

На кольцевой она выжала акселератор и включила магнитофон, разразившийся варварской, почти первобытной мелодией «Thunder» старой рок-группы «AC/DC», которая снова вошла в моду. Сунула в рот жвачку и стала жевать в ритме музыки. Вскоре Лукреция миновала ворота Лиля и помчалась дальше в пригород.

Она добралась наконец до мест, где должен жить Исидор Катценберг. По указанному адресу находился пустырь. Она выключила музыку, заглушила двигатель, осмотрелась при помощи бинокля, реликвии войны 1914-1918 годов, и все поняла. Замок, обителью Исидора Катценберга, была... водонапорная башня. Это была огромная бетонная конструкция, напоминавшая песочные часы.

Посмотрев в зеркальце заднего вида, Лукреция освежила на губах темную помаду. Просто привычка. Она знала, что при первом знакомстве экономить десять минут, если хорошо выглядишь. Она спрыгнула на землю и пошла через пустырь.

Чем больше она рассматривала здание, тем больше понимала, насколько остроумной была идея поселиться здесь. Водонапорные башни настолько сливаются с пейзажем, что никто не обращает на них внимания. Трудно представить, что кто-то может здесь жить.

Она оказалась среди сорняков, старых кастрюль и выброшенных холодильников. Прошла мимо нескольких ржавых остовов автомобилей, в которых жили стаи крыс.

У Исидора Катценберга не было телефона, и девушка была вынуждена идти к нему, не назначив времени встречи. Вблизи водонапорная башня выглядела заброшенной. Политические плакаты и реклама клубов знакомств в Интернете покрывали круглые стены толстым разноцветным ковром, который обрывался там, куда уже не мог дотянуться расклейщик, встав на плечи приятеля. Были здесь и граффити, свидетельствовавшие о стремлении подростковых банд обозначить свою территорию.

Обогнув здание, Лукреция нашла наконец ржавую дверь, также наполовину заклеенную толстым слоем афиш. Ни имени, ни молоточка, ни звонка – ничего, что говорило бы о том, что здесь кто-то живет.

Она постучала. Ответа не было. Лукреция отбросила сомнения. Достав спрятанный на груди швейцарский нож, она выдвинула лезвие. Пора выяснить, есть ли кто в этой консервной банке, или коллеги надули ее. Замок оказался прочным, и ей пришлось повозиться, прежде чем стальной язычок поддался.

– Есть тут кто-нибудь?

Лукреция очутилась в большом зале со сводчатым потолком. Что-то вроде индейского типа из бетона. Она прошла вперед. А может быть, подумала она, профессора Аджемьяна действительно убил серийный убийца, который взломал дверь так же, как это только что

сделала она. Тогда молодой инспектор окажется прав.

– Есть тут кто-нибудь? – снова спросила она, осторожно двигаясь дальше.

Она едва не споткнулась. Пол был завален книгами. Вся его поверхность была полностью покрыта томами самого разного размера и толщины. С потолка свисали лампы на длинных шнурах, то здесь, то там прорезавшие темноту кругами яркого желтого света. Остальное помещение тонуло во мраке.

Лукреция буксовала среди книг. Тут были сборники эссе, словари, комиксы, фотоальбомы, но особенно много было романов. Она ступала по Эдгару По, Франсуа Рабле, Джонатану Свифту, Филиппу К. Дику. Раздавила Виктора Гюго, поскользнулась на Флобере. Александр Дюма заставил ее потерять равновесие, а Ежи Косински помог обрести его.

В центре зала она прислонилась к большой колонне, подпиравшей верхнюю часть здания.

– Есть тут кто-нибудь? – повторила она.

В ответ раздался шум спускаемой воды и стук двери. Журчание воды из крана, кто-то мыл руки. Наконец на потолке появилась огромная тень.

– Исидор Катценберг?

Она подошла ближе. Кто-то очень большой сидел в кресле за неким подобием письменного стола, сложенным из толстых книг. Человек находился вне круга света, и Лукреция по-прежнему не могла его рассмотреть. Его силуэт напоминал яйцо, вставленное в рюмку.

Не обращая ни малейшего внимания на незнакомку, сферический силуэт взял пульт и включил «Симфонию из Нового Света» Дворжака. Потом открыл ноутбук и начал стучать по клавишам.

– Исидор Катценберг? – крикнула юная журналистка, слясь заглушить поток музыки.

Ответа все не было. Силуэт продолжал мерно барабанить по клавиатуре. Она решила броситься в атаку, так, словно была уверена, что он ловит каждое ее слово.

– Меня зовут Лукреция. Лукреция Немро. Я – журналистка из «Современного обозревателя», пишу о науке. Мне сказали, что вы можете помочь мне написать статью о палеонтологии.

Человек прекратил печатать. Лукреция по-прежнему не видела его лица, но теперь чувствовала, что он ее слушает.

– Я хочу написать большую статью о происхождении человека и об убийстве профессора Пьера Аджемьяна. Этот парень занимался поисками отца наших отцов, отца всех отцов. Он говорил, что нашел его... Я уверена – его убили, чтобы заставить замолчать.

Она подошла еще ближе к силуэту, спокойно сопевшему в кресле.

– Это может стать сенсацией. Смесь детектива и научного исследования. Надо раскрыть тайну профессора Аджемьяна. И тогда мы получим ответ на вопрос: «Откуда мы?».

Живая сфера наконец издала звук.

– Нет.

– Почему «нет»?

– Нет, это плохая тема.

Голос был высоким, слабым. Голос ребенка. Как такая гора жира может говорить подобным голосом? – подумала девушка. «Симфония из Нового Света» зазвучала с прежней мощью.

– Но почему? – спросила она.

Человек не отвечал. Не двигался. Она чувствовала его пронизывающий взгляд. Она протянула свою визитную карточку.

– Если вы решите мне помочь, вот мои координаты. Там мой адрес, номера телефонов, электронная почта. Звоните в любое время домой или на мобильный. Он всегда со мной.

– Мобильный телефон? Эта пакость, которая дребезжит в кино, барах и прочих прежде

спокойных местах?

– У меня всегда включен режим вибрации. Мой телефон никого не беспокоит, но с ним я не чувствую себя собакой без поводка. И вы сможете найти меня везде, где бы я ни была. Не бросайте меня, пожалуйста.

Пухлая рука высунулась из тени и взяла визитную карточку.

– Ну что, вы согласны? – спросила Лукреция с возродившейся надеждой.

Массивное тело заворочалось в кресле.

– Нет, конечно.

– Да почему же?

– Раз вы здесь, значит, вы уже предлагали этот сюжет Тенардье, и она вам отказала. Я Тенардье не люблю – она невежественна, вульгарна и добилась своего положения интригами. Но по отношению к вам она права. Палеонтология – тема плохая. Всем наплевать на недостающее звено, и это логично. Прошлое никому не нужно. Люди покупают последние новинки и слушают прогноз погоды на следующую неделю. Всех интересует только будущее. Антиквары разоряются. Тем, кто занимается генеалогией, приходится сворачивать свою деятельность. Подержанные автомобили больше не продаются. Стариков, как только у них появляются морщины, прячут в дома престарелых. Кому интересно прошлое?

Она чувствовала все более пристальный взгляд странного человека.

– Кому это интересно? Только тем, у кого в прошлом остались проблемы. Мне кажется, я понимаю, мадемуазель, почему вы принимаете эту тему так близко к сердцу.

Лукреция еле заметно вздрогнула.

– Вы ничего обо мне не знаете, – сказала она.

Исидор Катценберг продолжал говорить:

– Напротив. Достаточно за вами понаблюдать, внимательно послушать, и можно кое о чем догадаться. Вы сирота.

Она замерла.

– Вы сказали «не бросайте меня», «собака без поводка». Говоря о недостающем звене, вы называете его «отец наших отцов».

Он высунул голову из тени, и Лукреция заметила макушку лысого черепа.

– Признайтесь, – сказал он, – вы считаете, что, найдя отца наших отцов – отца всех отцов, – вы найдете хотя бы одного своего предка.

Лукреция окаменела. Как столь нежный голос мог произносить такие жестокие слова?

– Я не люблю сирот. Они прилипчивые.

На этот раз он зашел слишком далеко. Больше сдерживаться она не смогла и занесла руку для пощечины. Он быстро уклонился, схватил ее за запястье и резко оттолкнул. Девушка опрокинулась на спину. Книги смягчили ее падение. Она рывком поднялась, пригладила рыжие волосы и послала в темноту испепеляющий изумрудный взгляд.

– Вы просто дурак. Глупец, идиот и пиз...к.

Почти задыхаясь, она выпалила:

– Знаете, куда вас посылают сироты? Подышайте здесь один в берлоге, с кучей ваших книг и никому не нужных хлестких фразочек!

Лукреция вышла, громко хлопнув металлической дверью водонапорной башни.

9. ВПЕРЕД, НА ЗВЕРЯ!

Когда гиена пробегает под нижними ветвями большого дерева, вся стая прыгает на нее.

Все на одного. Теперь роли меняются. Охотник становится дичью. Но, даже попав в засаду, гиена не сразу признает себя побежденной. Она оцетинивается. Из ее ноздрей вырывается зловонный пар. Она обнажает клыки и усмехается, вызывая противников на бой.

Вожак подает знак. Тут же самые сильные самцы хватают зверя за лапы, пытаясь повалить его на землю. Самцы помоложе по очереди начинают наносить удары. Самки пронзительно кричат, оглушая жертву.

ОН стоит в стороне, издали наблюдая за происходящим и восстанавливая дыхание. Все по очереди. ОН сделал свою часть работы, теперь может отдыхать и восхищаться храбростью врага.

Гиена не считает себя проигравшей. У нее еще есть силы искалечить молодого самца – она кусает его за руку, когда он пытается ударить ее по морде. Она кусает ноги, до которых может дотянуться. Она лягается и опрокидывает нескольких взрослых самцов, схвативших ее за лапы. Но погоня отняла у зверя много сил, и гиена слабеет.

Молодые самцы, под крики самок, призывающих к убийству зверя, осыпают градом ударов тело неподвижного врага.

На мгновение у него возникает желание помочь гиене. Но ОН быстро берет себя в руки. Надо подумать о чем-нибудь другом. ОН поднимает голову и смотрит на облака. Даже среди всего этого гама небо кажется бесстрастным. ОН следит за золотистыми облаками, проплывающими над ним.

Струя крови попадает ему в лицо, ОН решает уйти с места казни, взбирается вверх по веткам и продолжает спокойно наблюдать за небесами. Облака движутся едва заметно, словно ни спешка, ни волнение, ни страх неведомы им. ОН поднимает руку, пытаясь дотянуться до них, подпрыгивает, но у него ничего не получается. ОН залезает на самую высокую ветку дерева, с трудом сохраняя равновесие, снова пробует дотронуться до облаков. Но они по-прежнему слишком высоко.

Жаль.

Внизу соплеменники завершили убийство гиены. Среди нападавших есть раненые, но потери стаи невелики. Все зализывают раны. ОН смотрит сверху на останки зверя, который внушал ему такой страх. Странное ощущение – видеть противника, ставшего кучей дымящегося мяса. Странное ощущение – видеть этого пионера своего вида, получившего столь жалкую награду за смелость.

Это и есть один из великих законов природы – первопроходцы должны становиться мучениками, чтобы указать последующим поколениям границы, которые не следует переступать.

Отдышавшись, ОН решает спуститься к своим, хватается за лиану и соскальзывает к нижним веткам.

10. КОРОТКИЙ НОЧНОЙ ВИЗИТ

Лукреция соскользнула по веревке, которую привязала к чугунным перилам своего балкона. Это она умела делать хорошо.

В приюте ее окрестили «мышкой». Не только из-за маленького роста, позволявшего ей проскальзывать куда угодно, но еще из-за способности подтачивать нервы окружающих, пока они не уступят ее капризам.

Вися между этажами, девушка подумала, что ни Кристиана Тенардье, ни Франк Готье, ни даже Исидор Катценберг не помешают ей довести до конца расследование. Она найдет убийцу профессора Аджемьяна и раскроет тайну ученого.

Отец наших отцов.

Отец всех отцов.

Для этой вылазки Лукреция облачилась в черную обтягивающую одежду и завязала конским хвостом длинные рыжие волосы. Чтобы идти бесшумно, она надела мокасины.

Она спрыгнула на балкон профессора. Окно было закрыто. Лукреция достала швейцарский нож и выбрала плоское лезвие, которое легко просунула между двумя створками, чтобы приподнять задвижку. Путь был открыт.

Она осторожно встала на пол и включила фонарик. Быстро осветила комнату и увидела скелеты обезьян. В ярком свете фонарика черепа улыбались еще шире, словно радовались визиту Лукреции.

– Привет, обезьянки.

Тени вытянулись до потолка.

– Вы-то знаете, кто убил профессора...

В ответ одна из горилл выпустила изо рта маленькую ночную бабочку, жившую в ее нижней челюсти. Бабочка, не понимая, почему среди ночи так светло, шумно пролетела через комнату.

Лукреция осветила стены. Она чувствовала в атмосфере помещения что-то неуловимое и в то же время гнетущее: нераскрытую тайну, которая была подобна черной туче – стоит лишь тронуть, и начнется буря.

Молния прочертила небо, раздался гром. Началась гроза, белые вспышки освещали комнату.

Лукреция снова открыла папку «Пресса» и стала листать страницы. Профессор Аджемьян описывал свои поиски недостающего звена, рассказывал о новых раскопках в ущелье Олдувай. «Я скоро приподниму завесу над величайшей тайной: тайной происхождения человека», – говорил он в одном интервью. «Stupete gentes», – как говорили римляне. «Изумитесь, народы».

В других вырезках коллеги-палеонтологи выражали полное отсутствие интереса, если не презрение, по отношению к работам профессора Аджемьяна. «Он до сих пор не предъявил ни одной заслуживающей внимания кости».

Какой-то шорох насторожил девушку. Она быстро погасила лампу и застыла на месте.

Шорох утих. Потом возобновился. В комнате был кто-то еще. Лукреция поколебалась, затем включила фонарик и направила луч прямо туда, где, как ей казалось, скрипел пол. Мордочка, усики, маленькие розовые лапки. Мышь грызла бумаги в корзинке для мусора. Заметив, что ее обнаружили, она бросилась наутек.

На каждую мышку найдется мышка покрупнее. Журналистка села на пол, зажала фонарик в зубах и стала перебирать смятые обрывки документов. Нашла записку следующего содержания:

«Теперь я знаю, что дни мои сочтены. Они попытаются заставить меня замолчать. Моя тайна слишком мешает им.»

Разумеется, мои открытия приведут в смятение научное сообщество, поскольку

опровергают все принятые доселе принципиальные положения. Но дело касается правды, а с правдой ничего нельзя поделаться. Даже если ее утопить, она все равно рано или поздно всплывет. Поэтому я прошу тебя, читающего написанное мной, о помощи. Если они убьют меня, расскажи всем о моей тайне, чтобы она не исчезла со мной».

Лукреция еще раз осветила комнату. Над креслом висел рисунок: маленькая рыбка разговаривает с большой: «Мама, говорят, некоторые из нас вылезли из воды и ходят по суше. Кто они?» Большая рыба отвечала: «Те, кто вечно был всем недоволен!»

Кто-то жирно зачеркнул «недоволен» и написал «встревожен».

Рисунок назывался «Секрет эволюции».

Она собиралась продолжить поиски, как вдруг опять услышала шорох. Это была уже не мышь. Щелкнул замок. Лукреция быстро выключила фонарик и спряталась на кухне. Она услышала, как открылась входная дверь. Кто-то вошел.

Новая вспышка молнии позволила ей разглядеть в замочную скважину человека среднего роста в мокром плаще. Он достал из довольно тяжелой на вид сумки маску обезьяны, надел ее и включил свой карманный фонарик.

Грабитель? Не похоже. Теперь он держал в руках большую канистру с бензином и поливал пол во всех комнатах, особенно щедро – в кабинете. Затем человек вернулся к входной двери и достал спички. Он зажег одну и, прежде чем бросить, секунду смотрел на пламя.

Магия огня. Этой секунды Лукреции хватило, чтобы броситься на незнакомца. Она щелчком погасила спичку и ударила непрошеного гостя коленом между ног. Тот застонал. Сквозь прорези маски она увидела глаза, в которых застыли удивление и боль. Пока он не сообразил, что происходит, Лукреция нанесла ему удар кулаком в живот, врезала ребром ладони по шее, заломила руки и повалила на землю.

Гром сотряс лиловое небо, и все в комнате задрожало. Тень струящейся по стеклам воды отразилась на стенах.

– Кто вы? Что вы здесь делаете?

Она сильнее вывернула руки незнакомца. Он приглушенно застонал.

– Вы хотите уничтожить улики, да? Ну, говорите? Кто вы?

Лукреция решила повернуть его к себе лицом и снять с него маску, но человек воспользовался этим, вырвался и бросился на лестницу. Лукреция помчалась за ним.

– Остановите его! – закричала она так, чтобы ее услышали внизу, в подъезде.

Но человек в плаще уже был на улице и смешался с толпой промокших, втянувших головы в плечи людей.

Безымянный человек среди сотен других безымянных людей.

11. ЕГО СТАЯ

ОН смотрит на соплеменников.

Они собрались вокруг тела гиены.

ОН не знает, сколько их.

ОН умеет считать только до пяти, и научился этому, рассматривая пальцы на правой руке.

После пяти идет «много». Соплеменников много.

ОН не знает их имен. У них нет имен. ОН различает их по месту в иерархии стаи или по характерным физическим особенностям.

Самый главный – это вожак. Его спина покрыта слегка посеребренной шерстью. Слово факт обладания властью изменил цвет его шерсти. Во всяком случае, ОН заметил, что у самцов того же возраста, но лишенных власти, спины более темного цвета.

Вожак не очень высокий, но у него широкие плечи и мощный торс. Он обидчив и агрессивен. У него есть привычка раздавать всем несильные удары по голове, напоминая о том, кто здесь главный. Если какой-то самец захочет оспорить его власть, этот шлепок ему как раз и напомнит: «Либо ты это терпишь, либо вступаешь со мной в поединок».

Если стая что-нибудь угрожает, вожак не размышляет, он атакует. Можно назвать это безрассудностью, но большинство членов стаи считают это храбростью.

Раньше вожака выбирали по одному признаку: он не должен был бояться новых, неизвестных прежде явлений. Но вот уже несколько поколений, как эта мудрость вышла из моды. Теперь предпочитают самого сильного, и точка.

В любви вожак удивительно груб. Когда он предлагает случку самке из своего гарема, то обычно тянет ее за уши или сует ей пальцы в ноздри. Во время соития он кусает партнершу за шею или так дергает ее за волосы, что она мычит от боли.

Как раз сейчас ОН видит рядом с вожаком главную самку его гарема. У нее большие черные глаза и обвисшая ярко-красная задница. Как первое лицо гарема, она считает, что должна очень громко кричать, выражая свои мысли. Во время охоты это хорошо для устрашения противника, но в обычной жизни это начинает действовать на нервы.

Вторая самка вожака более скромна. Первая самка любит бить ее по голове, чтобы поставить на место. Вторая отыгрывается на третьей, которая держится в тени. Она прижимает к груди младенца. Пока третья самка кормит ребенка, вожак не может к ней приблизиться. Раздосадованный вожак уже несколько раз пытался убить малыша.

ОН продолжает разглядывать своих.

В группе самых сильных самцов выделяются «высокий худой», беспрестанно задирающий вожака, чтобы выяснить, не начинает ли тот стареть. Справа от него – «потерявший ухо», он может видеть опасность только с правой стороны. Есть еще «имеющий очень длинный член», чей репродуктивный орган касается земли, когда он бежит на четырех лапах. И наконец, «зловонное дыхание». Это не очень крепкий самец, но ему достаточно открыть рот, чтобы привести противника в полуобморочное состояние.

За ними стоят самцы средней руки. Это молодежь или бывшие самые сильные, побежденные другими самыми сильными. Они часто дерутся, чтобы определить, кому вызывать на поединок нынешних самых сильных.

В отдалении стоят самые слабые самцы, ни с кем не вступающие в конфликт и готовые броситься на помощь лидерам, когда те призовут их криком или тумаком.

Есть еще и бывший вожак. Вообще-то его уже должны были убить, потому что у него осталось слишком мало сил. Но у него очень тонкое обоняние, он может определить, какие

травы съедобны, а какие – ядовиты. Такие знания необходимы для выживания стаи. И его оставили в живых.

ОН видит также больных или изувеченных на охоте самцов. Их присутствие терпят, пока они не становятся бременем для стаи. В основном их оставляют, чтобы бросить на съедение неожиданно нападшему хищнику. В повседневной жизни все относится к ним как к козлам отпущения. Они не имеют права прикасаться к самкам, во время трапез им достаются объедки.

Слева, в стороне, галдит группа самок. Это самки самых сильных самцов, самки самцов средней руки и несколько девственниц, только начинающих отчетливо пахнуть гормонами. ОН подходит к ним и видит, что одна из самок рождает. Стая растет на глазах. Едва покинув тело матери, малыш становится на четвереньки. Самка перегрызает пуповину зубами, дает младенцу грудь и решает, что этого отпрыска она не сразу пустит на землю, она уже потеряла нескольких детей по невнимательности.

ОН продолжает наблюдать за стаей, собравшейся вокруг останков гиены. Дальше стоит группа детей, а еще дальше – группа стариков.

И наконец, ОН сам. Когда ОН думает о себе, то называет себя просто «я». ОН видел однажды свое отражение в луже.

Ничего особенного.

12. ИСИДОР КАТЦЕНБЕРГ

Лукреция встретилась с коллегами в «Эльзасском кафе». Можно сказать, что эти журналисты из раздутых штатов редакции «Современного обозревателя» стали ее «бандой». Стоя у стойки бара, они обсуждают последние новости из жизни редакции.

– Заведующий литературной рубрикой опубликовал роман и, чтобы получить хоть один положительный отклик, сам написал про него статью, а подписался псевдонимом, – объявил Флоран Пеллегрини.

Взрыв хохота. Журналисты заказали еще по кружке пива и сели за столик.

Лукреция села рядом с Франком Готье. Официант в длинном синем фартуке принес несколько дымящихся блюд с горячими закусками: белыми колбасками, франкфуртскими сосисками, свиными ножками в сухарях, бужениной с кислой капустой.

– Ну и как прошла твоя встреча с Исидором Катценбергом? – спросил Готье.

Девушка потрянула длинной рыжей шевелюрой.

– Спасибо, неплохо. Но, думаю, я все-таки буду вести расследование сама. Я вчера опять была на месте преступления и видела кое-что интересное. Там появился таинственный посетитель в обезьяньей маске и с канистрой бензина. Он хотел спалить там все. Нестандартное поведение для серийного убийцы, как вам кажется?

– Ты его схватила?

– Убежал из-под носа. И бежал быстро. Жаль! Клянусь, я бы заставила его разговориться!

Рассказ Лукреции не произвел сильного впечатления на любителей кислой капусты. На их лицах появилось сомнение. Флоран Пеллегрини с набитым ртом высказал общее мнение:

– Ну-у, Тенардье все равно не даст опубликовать этот сюжет. Без Катценберга у тебя нет никаких шансов.

Франк Готье согласился.

– Давай признавайся, у тебя с толстым увальнем ничего не вышло. Ведь мы над тобой подшутили. Хотели охладить твой пыл. Катценберг все равно тебя послал бы. Он такой. Никого больше видеть не желает.

Лукреция застыла с поднятой вилкой и нахмурила брови.

– Так кто он, этот тип?

– Катценберг? Полный псих, – отрезал Готье.

Флоран Пеллегрини смотрел сквозь пивную кружку так, словно это был хрустальный шар.

– Нет, он, может быть, немножко тронулся под конец, но я его хорошо знал, и могу утверждать, что когда-то это был один из самых великих журналистов Парижа.

Он подождал, пока официант сменит тарелки, и продолжил:

– Я знал его тогда, когда он не был ни лысым, ни жирным и вел далеко не отшельнический образ жизни. Он работал в полиции, в центре судебно-медицинской экспертизы. Он был специалистом по микроанализу: волосы, подозрительные пятна, различные отпечатки. Рассказывали, что по одному волоску он мог определить пол, возраст, уровень стресса, пережитого его владельцем, и был ли тот наркоманом. Для Исидора это было игрой – отгадывание загадок. Но его несколько обижало отношение к результатам его экспертиз во время судебных процессов. Судьи и присяжные редко обращали на них внимание. И он переквалифицировался в журналиста, освещающего события в научном мире. Тут его знания помогали ему писать статьи, захватывающие, как детективы. Это было что-то новенькое – журналист, делающий выводы после того, как он лично посетил место происшествия, а не черпающий информацию из сухих и скудных официальных сообщений. Читатели узнавали его

стиль, и он быстро завоевал себе громкое имя в мире прессы. Отсюда и пошло его прозвище – Научный Шерлок Холмс.

– Он просто хорошо делал свое дело, – отрезал Кевин Абитболь, вытирая жирные губы несвежей салфеткой. – Проблема в том, что большинство журналистов обленились до того, что вообще перестали чем-либо интересоваться. Им так все надоело, что они лишь повторяют то, что где-то слышали и в тысячный раз переписывают одни и те же статьи, составленные по одному шаблону.

Флоран Пеллегрини не обратил внимания на то, что его перебили.

– Исидора Катценберга надо было назначить заведующим научной рубрикой вместо Готье. Верно, Франк?

Тот нахмурился.

– Да-а, быть может. Я не виноват, что с ним случилась такая неприятность.

– Какая неприятность? – спросила Лукреция.

Он ехал в метро, когда там взорвалась газовая бомба, начиненная динамитом и ржавыми гвоздями. Террористический акт. Его защитила спинка сиденья, но был час пик, и многие погибли. Он ползал в дыму среди разорванных в клочья трупов, пытаясь помочь раненым.

Сидящие за столом примолкли на минуту, но потом продолжили бодро уписывать сосиски и свиные ножки. Пеллегрини продолжал:

– После взрыва он неделю просидел дома, не мылся, не ел, почти не спал. А потом решил вооружиться, найти убийц и казнить их одного за другим. В конце концов он выяснил, что дело связано со сложной дипломатической историей и что Франция продает оружие стране, ответственной за террористический акт. Делать было нечего. И он замкнулся в себе. Стал толстеть, меньше писать, а потом купил водонапорную башню, заперся в ней и окончательно отгородился от мира.

– В башне из слоновой кости, – добавил Кевин Абитболь.

– В могиле, – уточнил Готье.

Официант принес пиво, и все стали жадно пить, словно для того, чтобы лучше переварить странную историю. Лукреция тоже сделала большой глоток.

– Ведь была еще и книга, – сказал Флоран Пеллегрини.

– Какая книга? – спросила стажерка.

– Какой-то странный роман. В нем, под прикрытием незамысловатого детективного сюжета, проповедовалось активное непотворение злу. Он читал его и перечитывал, пока не добрался до спрятанной в тексте сути. Это стало для Исидора настоящим откровением. Он решил, что отныне его личным врагом становится насилие вообще, а не террористы в частности.

– Он снова начал писать, но его статьи стали слишком резкими, – заметил Готье.

– Исидор Катценберг в одиночку выступал против всего насилия в мире: против террористов, мучителей детей, палачей... И так резко, что это не мог напечатать уже ни «Современный обозреватель», ни любой другой журнал.

– Противник агрессии был слишком агрессивен, – уточнил Кевин Абитболь. – Есть границы и в обличении зла. Посольства подавали жалобы, Министерство иностранных дел потребовало его увольнения. Катценберга уволили, и он навсегда удалился в свою водонапорную башню.

– Однако он по-прежнему очень популярен у читателей, которые его не забыли, а также у дирекции «Современного обозревателя», где у него еще сохранились сторонники. Поэтому нельзя сказать, что мы тебя обманули, Лукреция, – заявил Флоран Пеллегрини.

Все вздохнули и утешились новым блюдом солонины.

Все погружают руки в грудку парного мяса.

Недостаток гиены в том, что она воняет. Запах у нее едкий и прогорклый. Некоторые ее части пахнут так плохо, что во время еды приходится затыкать нос.

Вкус, надо сказать, соответствует запаху. Те, кто никогда не пробовал мясо гиены, с трудом могут его есть. Особенно горчат жировые прослойки на задних лапах.

ОН не очень любит мясо гиены. ОН предпочитает травоядных. Их мясо нежнее, мягче, и запах у него приятный. Но его соплеменники едят с наслаждением. Особенно слабые самцы, для которых поражение сильного всегда реванш над жестокостью жизни. Они даже продолжают наперегонки рвать шкуру гиены. Запоздалая месть слабым.

Живот гиены уже вспорот, и пиршество в разгаре. Абсолютно все части тела гиены съедаются. Обсасываются мельчайшие хрящики хвоста. Хрящи ушей и даже десны, которые надо разгрызть, чтобы добраться до содержащегося в них кисловатого сока. У вожака зубы такие крепкие, что он дробит ими клыки гиены, чтобы полакомиться солеными нервами.

«Потерявший ухо» завладевает черепом гиены и раскалывает его, как созревший плод, чтобы извлечь мозг. Шар розового желе переходит из рук в руки. Каждый откусывает кусочек и передает соседу. Это очень важный ритуал – поедание мозга врага, который внушает тебе страх. Инстинктивно все чувствуют, что, попробовав мозг того, кто быстро бегаёт, будешь бегать быстрее, что, отведав мозг того, кто умнее, станешь умнее.

Вожак раздавливает грудную клетку, и между ребрами появляются желтоватые легкие.

ОН очень хочет есть и запускает руки в губчатые ячейки. Прикоснувшись к мягкой ткани, ОН вспоминает, как задыхались его собственные легкие тогда, когда ОН пытался оторваться от гиены. ОН глотает ее легкие, чтобы отныне ему дышалось легче. Ему нужно проглотить, как минимум, три четверти легкого, чтобы забыть свое паническое бегство.

Дети хватают почки, выжимают их, как губку, и пьют кровь, смешанную с мочой хищника. «Тот, кого мать не хочет поставить на землю» играет с глазом, он вращает им, как пращой, держа за ниточку глазного нерва. Мать бранит его. Нельзя играть с пищей. Ее надо есть быстро, пока она не остыла.

Вокруг уже собрались шакалы, грифы и вороны. Самые нетерпеливые стервятники не могут сдержаться и поторапливают стаю, чтобы она уступила им место. Один шакал осмелился даже подойти вплотную и слегка укусить ребенка. Первая самка вожака бьет его по морде. Шакал не отходит и показывает клыки. Распространенная в этом мире проблема: никто не хочет знать свое место, и необходимо постоянно демонстрировать свое превосходство, чтобы тебя уважали. Победенные животные снова и снова забывают о поражении и при каждой новой встрече опять хотят померяться силами. Первая самка вожака бросает камень и попадает шакалу в бок. Тот наконец отступает.

Ну а мухи разрешения не ждут. Они облепили мясо и оглушительно гудят.

Покопавшись во внутренностях, ребенок находит печень. Первая самка вожака немедленно требует себе этот лакомый кусочек.

Только тот, кто занимает главенствующее положение, может получить печень убитого животного без возражений со стороны соплеменников.

Как только печень съедена, челюсти начинают работать уже не так лихорадочно. Почти ничего вкусного не осталось. Толстая кишка распространяет такую вонь, что польститься на нее могут лишь самые слабые.

Насытившись, члены стаи расходятся, продолжая шумно жевать. Пережевывание – очень

важный процесс. Тот, кто плохо прожевывает пищу, часто болеет. Он даже видел, как один ребенок умер, подавившись неразжеванным носом жирафа. О, беспечная юность.

14. МЫШЬ И СЛОН

Лукреция положила в рот большую жвачку с лакрицей и глубоко вдохнула холодный воздух. Самый лучший способ успокоить разгулявшиеся нервы. И только после этого постучала в тяжелую металлическую дверь водонапорной башни.

Ответа не последовало, но дверь была не заперта. Она вошла и увидела стоявшего посреди зала Исидора Катценберга. Он читал книгу, которая лежала на дубовом аналое. На этот раз журналист был прекрасно освещен, и Лукреция смогла рассмотреть его сверху.

Исидор поднял голову и тоже стал наблюдать за ней.

Целую минуту они молча смотрели друг на друга.

Исидор Катценберг был еще выше и толще, чем ей показалось в прошлый раз. Рост, наверное, метр девяносто пять. Вес – килограммов сто двадцать, как минимум. Его тело, похожее на огромный шар, было скрыто просторной одеждой светло-бежевого цвета. Ни ремня, ни часов, ни шнурков. «Отсутствие насилия даже в одежде», – подумала Лукреция.

Он был почти лысым. Уши большие, лоб высокий, губы мясистые. На тонком носу сидели маленькие золотые очки. Он был похож на огромного младенца.

Глаза его были в беспрестанном движении, они подмечали все мелочи.

«Одинокий и беспокойный слон»... На самом деле Катценберг напоминал ей Ганешу, индийского бога с головой слона.

– Вы думаете, что я похож на слона, – произнес он. – Как я догадался? Вы пристально смотрите на мои большие уши. Когда кто-то так смотрит на мои уши, он сравнивает меня со слоном.

– Я думала об индийском божестве Ганеше.

Живая гора отвернулась, порылась в куче книг и достала статуэтку божества.

– Ганеша – бог знания и веселья. В левой руке у него книга, а в правой – горшочек с вареньем. Вы знаете легенду о Ганеше? – спросил он.

Девушка покачала головой.

– Его отец Шива однажды вернулся домой раньше обычного, увидел ребенка и решил, что это любовник его жены, Парвати. Он тут же выхватил меч и обезглавил его. Парвати объяснила мужу, что он расправился с собственным сыном. Отец в отчаянии стал просить прощения и пообещал жене, что заменит отрубленную голову сына головой первого, кто войдет к ним в дом. Им оказался слон.

Лукреция указала на маленькое, похожее на грызуна существо, примостившееся у ног бронзовой фигурки.

– А это кто?

– Его конь. Ганеша – это слон, путешествующий верхом на мыши.

Катценберг пристально наблюдал за рыжей девушкой, быстро впитывая фотоны, отскакивавшие от ее кожи и одежды. Кто эта дерзкая девчонка, настырно врывающаяся в его берлогу?

Он еще раз оглядел ее. Маленькая. Метр шестьдесят, пятьдесят килограмм. Мускулистые руки.

Округлая грудь. Большие живые глаза изумрудного цвета. Маленькие ноги. Дыхание глубокое и размеренное. Спортсменка. Внимательный взгляд. Во рту жвачка. Красивая посадка головы. Наверное, занималась в детстве классическим танцем, поэтому и держится так грациозно.

«Ну и парочку мы бы составили, если бы начали работать вместе», – подумала Лукреция.

Неизданный вариант Лорела и Харди^[1].

Она вздохнула.

– Я пришла извиниться. В прошлый раз я была недостаточно вежлива.

– Я тоже был недостаточно вежлив, – ответил он. – Мы квиты.

– Я не знала, что вы сторонник ненасилия.

– А что это меняет?

– Сторонники ненасилия получают пощечину по правой щеке и подставляют левую.

– Ну, это уже устарело. Сейчас сторонники ненасилия опускают голову, избегая пощечины.

Так нападающий даже не отягощает своей совестью актом насилия.

– Я вас оскорбила. Я вас назвала дураком, глупцом, идиотом и пиз...ком.

Лунообразное лицо приняло такое выражение, будто Катценберг увидел лакомства:

– Вы знаете, откуда произошло слово «дурак»?^[2] От латинского *imbecille*, что значит «не имеющий палки». Намек на то, что при ходьбе всегда приходится опираться на палку. Жить, не опираясь ни на одну догму, ни на один твердый принцип, не прислоняясь ни к чему, – для этого нужно иметь храбрость, правда? Надеюсь, что я – дурак, и хочу оставаться им как можно дольше. Лукреция уважительно кивнула.

– Я не обижаюсь и на определение «глупец», – продолжил Катценберг. – Глупец произошел от латинского *stupidus*^[3]. Пораженный изумлением. Глупец всему удивляется и всему радуется. Я надеюсь долго пробыть глупцом. «Идиот» по-гречески значит «особенный». Идиоматизм – это особенность языка. Я хочу быть особенным. Что же касается пиз...ка, то тут есть явная связь с женскими половыми органами. Назвать кого-нибудь пиз...ком – значит провести параллель между ним и чем-то самым прекрасным и плодородным на свете, не так ли? Я верю, что я – пиз...к, обладающий достоинствами дурака, глупца и идиота.

Лукреция продвигалась вперед среди книг.

– В редакции мне сказали, что вашу жизнь изменила одна книга. Какая?

Исидор Катценберг, видимо, прекрасно ориентировался в царившем вокруг беспорядке. Он сделал несколько уверенных шагов, взял том, лежавший в куче других, и показал Лукреции. На обложке были изображены люди, идущие навстречу встающему солнцу. Это больше напоминало приключенческий роман, чем учебник психологии.

– Ее можно найти в любом книжном магазине. В ней нет ничего особенного. На самом деле ее можно расценить как произведение идиотское, глупое, дурацкое...

Он протянул Лукреции книгу.

– Вы хотите сказать, что она не похожа на другие и в то же время удивительная, чем-то напоминает женские романы и не подчиняется никаким догмам, – подытожила Лукреция.

Она принялась листать книгу, в то время как Исидор Катценберг объяснял ей, что в романе, по его мнению, есть две чрезвычайно интересные идеи.

Он начал с первой: идея Пути Наименьшего Насилия, ПНН.

– Что это такое?

– Человек страдает оттого, что находится в постоянной агрессии против себя самого, против себе подобных и против вселенной в целом. Чтобы разорвать порочный круг, надо предвидеть последствия каждого поступка и постараться уменьшить череду актов насилия, которые он может спровоцировать.

Словно иллюстрируя сказанное, Исидор Катценберг положил роман на огромную стопку книг. Та немедленно обрушилась, что не вызвало у толстяка никаких эмоций.

– Следующая очень важная идея: мир эволюционирует по законам чисел.

Девушка устроилась поудобнее на куче книг, из которых было сложено что-то вроде кресла.

– Слушайте внимательно. В этих значках, обозначающих цифры, которые мы видим тысячу

раз в день и даже не задумываемся о них, заключаемся все знание мира. Их придумали индийцы. Изогнутая линия символизирует любовь, горизонтальная – привязанность, скрещение их – выбор. Единица – это уровень минералов.

Чтобы Лукреция лучше поняла его, Катценберг нарисовал цифру пальцем в воздухе.

– Единица возвышается неподвижно, словно монолит. Она ничего не чувствует, она просто присутствует. Нет ни изогнутых, ни горизонтальных линий, нет скрещиваний. То есть нет ни любви, ни привязанности, ни выбора. На уровне минералов все неосознанно присутствует здесь и сейчас.

– Двойка, – продолжил он, снова рисуя цифру в воздухе, – это уровень растений. Изогнутый стебель и горизонтальная черта корня. Двойка привязана к земле. Цветок не может передвигаться. В верхней части – кривая линия. Двойка любит небо. Цветок хочет быть красивым, в нем много красок и изящных прожилок, чтобы нравиться высшему измерению.

– Тройка – уровень животных. Двумя изогнутыми линиями, вверху и внизу, она любит и небо, и землю, – пояснил Катценберг, сложив указательные и большие пальцы, чтобы получилась тройка.

– Она похожа на два открытых рта, – заметила Лукреция.

– Рот целующий, взгромоздившийся на рот кусающий, – подтвердил Исидор Катценберг. – Тройка живет в раздвоенности. «Люблю – не люблю». Горизонтальных линий нет, нет и привязанности ни к земле, ни к небу. Животное постоянно находится в движении. Оно живет, не привязываясь, оно движимо лишь страхом и желанием. Тройка ведома инстинктами. Она вечная рабыня своих чувств.

Толстяк скрестил указательные пальцы.

– Четыре, стадия человека. Ее символизирует крест, скрещение дорог. Перекресток – это выбор.

Если мы сумеем сделать правильный выбор, перекресток поможет нам покинуть животную стадию и перейти к следующему этапу. От животной стадии тройки к стадии пятерки. Мы сможем не метаться больше между страхом и желаниями, сможем не испытывать лишь эмоции, вызванные инстинктами. Мы сможем выйти за пределы дилеммы «люблю – не люблю» и «я боюсь – я внушаю страх».

– И перейти к высшему этапу, к пяти?

– Пять – это стадия духа. Эволюционировавший человек. У пятерки есть вверху горизонтальная линия, следовательно, она привязана к небу. Изогнутая линия означает, что она любит то, что находится внизу, – землю. Пятерка – полная противоположность двойки. Растение приковано к земле. Духовный человек связан с небом. Растение любит небо, духовный человек любит землю. Вот что имел в виду Андре Мальро в своем знаменитом высказывании: «Третье тысячелетие будет духовным, или его не будет вовсе». Человек будет пятеркой, или его не будет вовсе.

Такова наша цель: освободиться от эмоций, подчинить контролю инстинктивные реакции и стать духовными.

Лукреция помолчала. Поразмыслив, она спросила:

– А шесть?

Лицо Исидора Катценберга стало таинственным.

– Об этом слишком рано говорить. Постигните первые пять цифр, и вы сделаете огромный рывок вперед. Если вся моя жизнь послужит лишь этому, я буду считать, что сумел быть полезным.

Лукреция по очереди нарисовала цифры в воздухе.

– Один, два, три, четыре, пять... Странно. Цифры постоянно у нас перед глазами, но мы и

не думаем искать в них какую-то информацию, кроме той, что нужна для расчетов.

– Люди недостаточно внимательны к тому, что их окружает, – грустно сказал Исидор Катценберг. – Они живут в мире предрассудков и думают, что знают все обо всем.

Его огромная фигура заколыхалась.

– Я надеюсь, что этот маленький доклад о цифрах, указывающих нам дорогу в будущее, убедил вас, что самый важный вопрос не «Откуда мы пришли?», а «Куда мы идем?».

Лукреция встала, перешагнула через книги и обошла помещение, чтобы рассмотреть висящие на стенах доски с газетными вырезками, фотографиями, рисунками и даже списками покупок.

– Наоборот, – задумчиво произнесла она. – Вы еще больше убедили меня в обоснованности моих действий. Если хочешь понять будущее, сначала надо понять прошлое.

Исидор Катценберг снял какой-то листок с доски и вытащил из-под кучи книг сумку на колесиках.

– Куда вы идете? – спросила девушка.

– Ну наконец-то правильный вопрос. Можете ведь, когда хотите. Куда я иду? В магазин. Мне нужны овощи и свежие фрукты.

– Можно с вами?

Они продолжили разговор на улице. Исидор вез скрипевшую ржавыми колесиками тележку. За пустырем, заросшим крапивой, тянулись улицы небольшого городка. Наконец они вышли на площадь, где напротив маленькой церкви невнятной архитектуры стояли за прилавками румяные, крепкие фермеры.

Исидор Катценберг был не из тех, кто делает покупки второпях. Он вдыхал аромат дынь, взвешивал на ладони манго, обсуждал с продавцом свежесть товара, щупал помидоры и авокадо, нюхал лук. Тщательно выбирая земную пищу, он не прекращал рассуждать.

– Завороженность прошлым тормозит прогресс человечества. (Я беру два пучка редиски. Вот эти, красные.) Если бы он думал только о будущем, ему было бы гораздо легче двигаться вперед. Поверьте мне, очарованность прошлым – это настоящая катастрофа. (У вас все груши спелые?) Посмотрите на страны, считающие, что они находят свое истинное лицо, возвращаясь к системам прошлого. Монголия начинает требовать наследие Чингисхана. Афганистан хочет вновь ввести законы 800 года. Россия мечтает вернуть царя. (Сколько я вам должен?)

Не умолкая ни на минуту, Исидор Катценберг достал из бумажника мятую купюру, высыпал обратно мелочь и принялся набивать сумку овощами и фруктами.

– Прошлое должно стать *tabula rasa*. Как в психоанализе. Люди погружаются в прошлое, чтобы снова и снова его пережевывать. Вместо того чтобы оглядываться назад, лучше было бы смотреть вперед.

Тут он пошел быстрее и немного обогнал Лукрецию, которая рысцой следовала за ним.

Вдруг из-за угла вынырнул автомобиль, дверца распахнулась, и девушку втащили в машину. Не успела Лукреция опомниться, как в рот ей засунули кляп и завязали глаза.

Исидор Катценберг продолжал говорить, ничего не замечая:

– Никогда, никогда не оглядывайтесь назад. Из-за этого забываете смотреть вперед. Вот, например, если я не буду смотреть вперед, я могу налететь на этот фона...

Дверца захлопнулась с сухим щелчком, шины взвизгнули, машина рванула с места. В окне пролетавшего мимо автомобиля Исидор Катценберг заметил Лукрецию, бившуюся в руках людей в обезьяньих масках.

15. СОБИРАТЕЛЬСТВО

Бывший вожак приносит охапку ворсистых листьев.

Они помогут переварить мясо гиены.

Он не случайно собрал эти листья. Волокна зелени вызовут диарею, которая очистит желудок от кишечных паразитов.

Стая объедается листьями. Какая удача, что они и вегетарианцы, и мясоеды. Красное мясо их возбуждает, а свежие листья – успокаивают. К листьям добавляют несколько почти созревших фруктов. Так они избавятся от отвратительных газов, которыми страдает каждый, кто недавно ел мясо гиены.

У подножия дерева собирается группа гиен, желающих узнать, что произошло. Они находят останки своего собрата, привлёкшие мух и ворон, и смотрят вверх, пытаясь разглядеть тех, кто позволил себе это надругательство.

Вожак бьет себя в грудь кулаками и щелкает языком, заявляя не только о том, что его стая убила гиену, но и о том, что остальные гиены должны быть готовы к повторению подобных событий.

Это исторический момент.

Хищник и добыча меняются ролями. Самки испускают истерические крики, насмехаясь над любителями падали. Их пронзительные вопли разносятся по всему лесу, и никто не слышит, как широкие крылья, рассекают воздух.

Тот, кто смотрит вниз, забывает посмотреть вверх.

Прежде чем кто-нибудь успеет подать сигнал тревоги, орел падает камнем вниз и, воспользовавшись неразберихой, хватает малыша, достающего из плода аппетитных червяков.

Члены стаи, разинув рты, смотрят, как визжащий младенец уносится вверх.

Это тот самый малыш, которого мать боялась спускать на землю. Она держит его так крепко, что орел поднимает в небо и ее.

Орел взлетает медленно, и ОН, решив рискнуть, быстро взбирается на верхние ветки.

Время словно останавливает свой бег.

Отягощенный двойной добычей, орел толчками набирает высоту. Мать находится еще на уровне веток. ОН прыгает в пустоту, вытянув руки вперед. Будь что будет. ОН успевает ухватить ее за ноги. Они все вместе неподвижно висят в воздухе. Затем мать с криком разжимает руки.

Освободившись от балласта, орел взмывает вверх, цепко держа свою маленькую добычу.

ОН падает на землю. Гиены немедленно набрасываются на него, в последнюю секунду ОН успевает вспрыгнуть на нижние ветки дерева.

Орел продолжает подниматься в небо. Самки бросают в него незрелыми плодами, но хищник уже далеко.

Украденный ребенок кричит, зывая о помощи.

ОН смотрит на парящего в небе малыша и думает, что ребенку, быть может, повезло. Ведь он летит. Кто из стаи может похвастаться тем, что хоть раз в жизни познал это ощущение? Никогда, как бы ОН ни подпрыгивал, ОН не сможет подняться так высоко. Как жаль.

16. СКВЕРНЫЕ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА

Лукрецию вталкивают в помещение, полное каких-то скрипов. Заставляют сесть на стул и связывают руки за его спинкой. Она ничего не видит и слышит лишь невнятный шум. Ее ноги привязаны к ножкам стула.

Она вырывается, но ее скрутили так крепко, что это бесполезно. Более того, Лукреция чувствует, что ее похитителям нравится смотреть, как она бьется в своих путах. Через несколько минут она затихает и перестает подавать признаки жизни. Неподвижная добыча всегда возбуждает хищника больше, чем убегающая. Так и случилось. У нее вырывают кляп изо рта и снимают повязку с глаз. Она сглатывает, пытаясь смочить пересохшее горло, и щурится, привыкая к свету.

Серые облупленные стены, грязные стекла, пыльный цементный пол. Лукреция на заброшенном заводе. Пахнет плесенью и ржавчиной. На нее смотрят трое довольно крепких мужчин в обезьяньих масках.

Они не сняли маски, и это немного успокаивает ее. Значит, они намерены в конце концов отпустить ее и не хотят, чтобы она их узнала.

Один из мужчин подходит к ней и берет за подбородок:

– Что вы делали в квартире профессора Аджемьяна?

Лукреция усмехается:

– А, так это вы тот незнакомец в маске, которого я уже имела возможность проучить?

– Действительно, – пробормотал он. – Хорошо, что напомнили.

Он отвечает ей такую пощечину, что голова девушки откидывается назад. На щеке отпечатывается красный след ладони. Лукреция чувствует во рту вкус крови. И ощущает выброс адреналина. Теперь ей очень хочется померяться силой с противниками.

– Легко бить связанную женщину. В тот вечер вы не были таким храбрецом.

Он снова бьет ее и спокойно продолжает допрос:

– Что вы делали в квартире профессора Аджемьяна? Что искали в его столе? Что вы там нашли?

Красная пелена еще стоит перед ее глазами. Она задыхается. Нужно побороть гнев и желание драться. Адреналин прибывает, а надо улыбаться и выровнять дыхание.

– Я не разговариваю с обезьянами, – отвечает она.

Снова пощечина. К ней подходит второй мужчина и нежно гладит по онемевшей щеке.

– Что вы знаете о происхождении человека? – спрашивает он мягко.

Лукреция поднимает голову, пристально смотрит на него и выпаливает, словно школьница, отвечающая урок:

– Человек произошел от обезьяны, а обезьяна спустилась с дерева.

– Оставьте ее мне, шеф, – вмешивается третий мужчина, до той поры не двинувшийся с места. – Я знаю, как заставить ее говорить.

Лукреция отвечает с вызовом:

– Подумаешь, напугали! Ребята, вы что, впечатление на меня хотите произвести? У вас даже маски убогие. Прямо с этикетками из магазина розыгрышей. Шестидесят пять франков штука. Что за детский сад! Если уж решили пытаться девушку вроде меня, надо хоть стиль попробовать соблюсти. Снимите аккуратненько этикетки, наденьте капюшоны, как у палачей... Нет, вы подумайте – обезьяньи маски по шестидесят пять франков!..

– Можно мне, шеф? – настойчиво просит самый здоровый.

Лукреция испепеляет его взглядом.

– Что бы вы ни делали, это ерунда по сравнению с тем, что приходится терпеть новичкам в приюте.

Тот, кого называют шефом, наконец решается.

– Ладно, давай, но не переусердствуй. Не люблю вида человеческих страданий, особенно женских...

Мужчины быстро освобождают Лукрецию, которая тут же храбро атакует тех, кто оказался рядом, затекшим кулаком и онемевшей пяткой.

Ее тут же усмиряют и снова связывают. Тащат к свисающей с потолка цепи и подвешивают за ноги. Длинные волосы Лукреции подметают пол, руки, связанные за спиной, напрягаются, чтобы ослабить путы.

– Зачем вы пришли в квартиру профессора Аджемьяна? – снова спрашивает «шеф».

– Хорошо, я вам все скажу, – шепчет она. – Я проводила опрос «Что у француза в холодильнике?». Если люди не открывают дверь, приходится лезть в окно.

– Очень смешно, мадемуазель. Скоро кровь притечет к голове и освежит вашу память.

Лукреция извивается на цепи. Кровь действительно путает мысли, тело тяжелеет.

– Вы похожи на копченую колбасу, – смеется один из ее мучителей.

И тут зал наполняется густым серым дымом. Раздается взрыв.

17. ГРОЗА

Гром раскалывает небо, члены стаи замирают на месте. ОН поднимается на задние лапы, чтобы лучше видеть.

Облака темнеют, на черном фоне вспыхивают лиловые и серебряные отсветы.

Небо становится шире.

Из черноты вырывается вспышка – белое дерево – и с силой ударяет в землю.

«Небо сильнее всего», – думает ОН.

Остальные втягивают головы в плечи. Им очень страшно. А ему нет.

«Небо – мой хозяин», – думает ОН.

Его друзья-тучи демонстрируют свою силу народам, ползающим по земной коре. Белые деревья ярко вспыхивают, их все больше, они все сильнее ударяют оземь.

Земля содрогается от ударов.

«Какое небо красивое и сильное», – думает ОН.

Молния попадает в дерево, на котором сидит стая. Башня из тонких веток достаточно прочна, чтобы противостоять воде, но не огню. В прошлом гроза уже доставляла им неприятности, но никогда молния не ударяла так близко. Огонь стремительно распространяется. Зеленые ветки горят, выделяя много густого сизого дыма. Все кашляют. У детей текут слезы. Молния бьет теперь рядом с деревом, и там, где только что сидел один из его беспечных кузенов, появляется куча пепла.

Дождь начинает лить с удвоенной силой, но этого недостаточно, чтобы погасить огонь. Высокое желтое пламя бросает им вызов. Вожак испускает обычные крики утешения, пытается обратить противника в бегство. Огонь нисколько не испуган и, кажется, дразнит вожака. Другие сильные самцы приходят на помощь вожаку, но огонь наступает, кусая их за руки. Все кричат. Огонь кажется очень страшным. Они не понимают, где у него глаза, где рот, им не удается ударить его. И они никак не могут понять, как огонь подкрадывается так незаметно. Его не слышно и не видно, и вдруг это огромное животное уже перед тобой.

Самки тоже начинают кричать. Три больших языка пламени накрывают стоянку. Огонь уничтожает все, превращает в черную пыль. Стая отступает. Вожаку обидно покидать такое удобное гнездо, но верхушка дерева уже трещит. Несколько неосторожных соплеменников пылают, словно факелы, визгливо взывая о помощи. Обезумевшие птицы покидают гнезда, стараясь захватить с собой яйца. Огонь продолжает расти, его обжигающие клыки неумолимы.

Воздух наполняется едким дымом, они кашляют.

18. ПРЕКРАСНЫЙ ПРИНЦ

Заброшенный завод заволокло дымом. Трое похитителей в обезьяньих масках застывают рядом с цепью, на которой висит Лукреция.

– Слезоточивый газ! Полиция! – кричит один из них.

Лукреция извивалась, пытаясь приподняться. Взрывы звучали на всей территории завода.

– Осторожно, они стреляют!

Похитители бегут к груде ящиков. Дышать все труднее. Они достают оружие и начинают палить в расстилающийся перед ними густой туман.

Лукрецию сотрясает приступ кашля. Вдруг две пухлые руки ставят ее на землю, развязывают веревки и подносят к лицу противогаз. Девушка вдыхает очищенный воздух и с изумлением смотрит на своего освободителя.

– Исидор, – восклицает она.

– Тише, – бормочет он сквозь свой противогаз, застегивая ремешки на ее рыжей голове.

Потом шепчет три слова:

– Видеть, понимать, молчать.

Лукреция делает еще один глубокий вдох и, нырнув в клубы дыма, бросается к обидчикам. Она наконец дает волю своей воинственности.

Первого, кто ей попался, она хлопает ладонями по ушам. Человек тут же бросает оружие и хватается за голову.

Исидор Катценберг спокойно садится на землю и наслаждается зрелищем.

Второго Лукреция бьет ногой по зубам, он хватается за челюсть и сразу забывает о своем револьвере. Бросившись к третьему, она резко тычет указательным и средним пальцами в прорези маски.

Нападавшие теперь похожи на трех обезьянок из знаменитого китайского изречения.

Один держится за уши.

Другой зажимает рот.

Третий – глаза.

Кое-как, спотыкаясь, они покидают поле боя.

Лукреция пытается преследовать их за пределами завода, но они прыгают в машину и стремительно уезжают. Лукреция снимает противогаз.

– Фу-у... тюфяки! Как только завязывается борьба на равных, они убегают, – восклицает она, обращаясь к Исидору, который снял противогаз и подошел к ней.

– Кстати, почему вы не помогли мне драться?

– Мне показалось, что вы отлично справлялись без меня. Это что за боевое искусство?

– «Приют-квондо». Похоже на таэквондо, но гораздо жестче. Разрешены все приемы, абсолютно все.

– Вы узнали среди них человека, которого встретили в квартире профессора?

– Кажется, да. В маске его, конечно, как следует не разглядеть. Ох, если бы мне удалось схватить хоть одного и заставить разговариваться...

Исидор достает из кармана палочку лакрицы и кладет в рот.

– Лукреция Немро, – говорит он наставительно, – не вступайте в порочный круг насилия.

– Что хочу, то и делаю, – огрызается она. – Если я хочу вступить в порочный круг насилия, это касается только меня.

Он кладет ей руку на плечо.

– Очень хорошо. Итак, расставим все точки над «i». Я с удовольствием изображаю

прекрасного принца, летящего на помощь к красавице, с которой случилась беда, но и вам надо хотя бы немного придерживаться роли прекрасной принцессы. А прекрасные принцессы не истязают злодеев.

– Но ведь злодеи ни в чем себе не отказывают!

– Лао-Цзы сказал: «Если кто-то причинил тебе зло, не мсти. Сядь на берегу реки, и вскоре ты увидишь, как мимо тебя проплывет труп твоего врага».

Лукреция обдумывает это изречение и возражает:

– Иногда врагу можно помочь упасть в реку. Заодно и время сэкономить. Но, скажите-ка мне, прекрасный принц, как вы нашли красавицу, с которой случилась беда?

Легко, – отвечает Исидор. – Я увидел, как вы боролись с похитителями в машине. Догнать вас я не мог, поэтому вернулся домой посмотреть номер вашего мобильного. Вы мне сказали, что он у вас всегда на вибраторе, то есть звонить он не будет. У меня остались друзья в полиции. Они засекли ваш мобильный и определили, где вы примерно находитесь. К счастью, в этом квадрате было всего одно подходящее сооружение – заброшенный завод. Парни дали мне шесть слезоточивых гранат, четыре холостые и два противогАЗа. На это ушел целый час. Кроме того, машины у меня нет, я был вынужден ехать на метро. Сами знаете, что такое метро в час пик! Вам не очень больно?

Она потеряла затекшие запястья и лодыжки, на которых еще были видны следы от веревок.

– Еще бы немножко... Если бы вы задержались еще на десять минут, я была бы скорей всего в гораздо более плачевном состоянии.

Она посмотрела на доброе лунообразное лицо своего спасителя.

– Тем не менее спасибо. Я начинаю понимать, почему вас прозвали Научный Шерлок Холмс.

Огромное тело Исидора заколыхалось в знак несогласия.

– Прощу вас, не сравнивайте меня с этим [has been](#)^[4], – возразил Исидор. – Каждому времени – свой герой. Я человек не прошлого, а настоящего. А может быть, и будущего.

Лукреция вздохнула:

– Все вам это будущее покоя не дает...

Он чмокнул своей лакричной палочкой и сказал:

– По дороге я думал. В чем-то вы, может быть, и правы. Важно хорошо знать прошлое, чтобы не допустить его повторения в будущем.

По двору, вымощенному разбитым булыжником, они, словно слон и мышь, направились к решетчатым воротам. Переходя на рысцу, чтобы не отставать от спутника, Лукреция пригладила волосы.

– Значит, вы согласны помочь мне в расследовании?

– Пойдемте. Я покажу вам одно место, которое никому не показывал.

19. ПЕЩЕРА

Крона польхает. Дерево охвачено огнем. Трещат озаренные желтым светом листья. Птицы покидают гнезда, расположенные на верхних ветках.

Стае ничего не остается, как спуститься на землю. Они знают, что теперь придется искать новое пристанище.

Идет проливной дождь. С пропитанной водой шерстью, понурые, бредут они по незнакомой местности. К счастью, дождь отпугивает хищников, для которых они могли бы стать легкой добычей.

Возглавляющий шествие вожак пытается подбодрить сородичей, раздавая тумачи тем, кто идет недостаточно быстро. Лучший способ прогнать страх – заменить его другим. Вожак рычит, показывает зубы, кусает слабых и козлов отпущения. Он считает, что это необходимо, чтобы сплотить стаю.

Они бредут, покоровшись судьбе. Впереди новое большое дерево, на котором можно было бы устроиться, но сегодня им не везет. Только они хотят забраться на ветки, как снова ударяет молния, и дерево падает.

ОН задается вопросом, уж не притягивают ли большие деревья молнии нарочно? Или тут есть знак. ОН верит в знаки. ОН думает, что в жизни все складывается так, чтобы подсказать ему, что ОН должен делать, а чего – не должен. Если молния обрушилась на стоянку, надо ее покинуть. Если молния ударила в следующее дерево, значит, на нем не стоило и селиться.

Одна самка привлекает всеобщее внимание к отверстию далеко в скале, показывая на него пальцем.

Это пещера.

Обычно члены стаи не приближаются к пещерам. В них живут большие хищники, которых нужно избегать. Но дождь такой ледяной, и они так боятся новой встречи с огнем, что следуют за самкой. Сюрприз: пещера пуста. И, кажется, она очень глубокая. Они останавливаются у входа и смотрят, как дождь размывает землю, как загораются все новые деревья.

ОН думает, что тучи разгневались на обитателей земной коры.

«Может, не надо было убивать гиену, олицетворявшую надежду всего ее вида», – говорит ОН себе.

Его сородичи прижимаются друг к другу, образуя большой клубок, чтобы согреться.

Дождь не прекращается. Им становится теплее.

Вдали еще одно дерево загорается от удара молнии.

20. ДРЕВО БУДУЩЕГО

Это было «древо будущего».

Исидор Катценберг повел Лукрецию в комнатку на первом этаже водонапорной башни. Здесь было только два стула и установленная на подставку большая белая доска с лежащими на бортике фломастерами.

Лукреция подошла и стала рассматривать нанесенный на доску большой рисунок. Сверху было написано: «Древо будущего». Вниз шли бесчисленные ответвления с маленькими листочками.

– В наши дни политики просчитывают будущее только на очень короткий срок. На пять-семь лет, самое большее. На тот срок, на который их избирают или переизбирают, – сказал Исидор Катценберг. – А надо бы смотреть вперед на сто, тысячу, десять тысяч лет... Какую землю мы оставим нашим детям?

Мы ведем политику причинения наименьшего вреда. Мы правим так, чтобы избежать катастроф в ближайшем будущем.

И это нормально, политики планируют свои действия в соответствии с результатами опросов общественного мнения, которые отражают эмоциональное состояние населения. Но никто не думает о перспективах.

Лукреция опустила на один из маленьких неудобных стульев и вздохнула.

– Прорицатели будущего – это хорошо, но большинство радужных проектов окончилось громким провалом... Вполне естественно, что люди теперь настороженно воспринимают грандиозные планы.

– Человечество имеет право на ошибку, – запротестовал Исидор.

Его тяжелое тело свешивалось с сиденья, выступало из-за спинки стула.

– Можно сколько угодно критиковать коммунизм, либерализм или социализм, но их достоинство было в том, что они предлагали путь в будущее. Пусть эти идеологии оказались несостоятельными, значит, надо предлагать другие. Много других идеологий, и пусть люди выбирают. Оттого что мы ошиблись в прошлом, нельзя отказываться от планов на будущее. А сейчас выбирать можно только между силами, которые ничего не желают менять, и силами, предлагающими возврат к тому, что было.

– Вы говорите о консерваторах и реакционерах? – спросила она.

– Если хотите. Как ни крути, выбор есть только между «стоять на месте» или «повернуть на сто восемьдесят градусов». Все приходят в ужас от мысли, что можно сделать шаг вперед. Только авторы научно-фантастических романов осмеливаются рассматривать другие возможности развития человеческого общества в будущем. Это печально.

Лукреция встала, чтобы внимательнее рассмотреть рисунок.

– И вы придумали это древо.

– Да. Древо возможных вариантов будущего.

– Эта идея связана с концепцией Пути Наименьшего Насилия, изложенной в вашей странной книге?

– Накладывая на эту доску все возможные варианты будущего, я стараюсь найти дорогу, которая много времени спустя позволит нам иметь будущее лучше, чем настоящее.

Он подошел к девушке и указал на листья древа будущего. На каждом был написан гипотетический вариант будущего. На одних значилось: «Если приватизировать тюрьмы», «Если уничтожить социальную помощь» или «Если увеличить минимальные социальные выплаты». На других были более радикальные варианты: «Если объявить войну соперничающим

экономическим блокам», «Если вернуться к диктатуре» или «Если уничтожить правительства». Третьи казались просто утопией: «Если колонизировать другие планеты», «Если регулировать рождаемость во всем мире», «Если остановить рост экономики».

Лукреция взглянула другими глазами на человека, находившегося рядом с ней. Она изумилась тому, что один индивид может планировать будущее всего биологического вида. На секунду ей захотелось посмеяться над ним, но она быстро взяла себя в руки. Его работа заслуживала уважения. Ей захотелось больше узнать обо всем этом.

– Вы прячете ваше древо будущего здесь. И никто не может воспользоваться им.

Он кивнул.

– Оно, по-моему, еще недоработано. Я покажу его, когда придет время.

– Покажете кому?

– Всем. Быть может, благодаря моему древу, политические деятели однажды наберутся смелости сказать: «Посмотрите внимательно. Вот путь, который я предлагаю, надо пройти этот этап, потом вот этот, затем вот тот, чтобы примерно через двести трудных лет прийти сюда, к этой точке, где наши дети или дети детей наших детей будут прекрасно жить на этой планете».

Он достал конфету в виде сигары и принялся жевать ее.

– Речь идет обо всем человечестве, более того, обо все живом на этой планете. Пора нам мыслить не как избирателям или потребителям, а как живым существам, интегрированным в гораздо более обширное жизненное пространство. Да, я надеюсь, что однажды мы достигнем гармонии с окружающим нас миром. Достигнем гомеостазиса, если употреблять более точный термин, – равновесия между внутренней и внешней средой, равновесия между людьми и другими формами жизни.

– И только-то!

– Да, – сказал Исидор убежденно. – Мы сможем достигнуть эмпатии со всеми формами жизни на Земле. Они станут нашими партнерами, и с ними мы построим более совершенный мир. Это лучшее из того, что может с нами произойти в далеком будущем.

– Согласна, но в ближайшем будущем и даже прямо сейчас – зачем вам вся эта работа?

– Хочу понять основные тенденции развития, учитывая воздействие всех факторов во всех возможных сферах деятельности – экономической, политической, социальной, технологической, культурной, – и проверить, как они влияют друг на друга, – скромно ответил Исидор. – На этой доске я определяю цикличность кризисов. Я вывожу рост и падение курсов сырья. Используя дерево, я делаю ставки на бирже. И получается. Игра на бирже – основной источник моих доходов. Так я зарабатываю на жизнь, а это ведь очевидное доказательство того, что идея верна? Поверьте мне, с ничтожными гонорарами научного журналиста я не смог бы купить и обустроить эту водонапорную башню.

Юная журналистка продолжала внимательно рассматривать древо.

– Разумеется, – продолжал он с широкой улыбкой на младенческом лице, – я не считаю себя Нострадамусом. Я не берусь предсказывать будущее, я стараюсь предвидеть в общих чертах эволюцию нашего общества. И, не хвастаясь, скажу, что пока дело идет лучше, чем я мог ожидать.

Лукреция нагнулась, разглядывая самые тонкие веточки.

– А что вы думаете о геополитике?

– Власть перемещается с востока на запад. Сначала центр мира был в Индии. Я думаю, все началось в Индии более пяти тысяч лет тому назад. Затем движение продолжилось на восток, по ходу солнца. Центр власти переместился в Месопотамию и Египет. Дальше на запад – греки и римляне. Дальше на запад – Австро-Венгерская империя, западный фронт (Франция, Испания, Голландия), Англия. Дальше на запад – пересекаем Атлантический океан. Власть теперь в Нью-

Йорке. Еще дальше на запад – пересекаем американский континент. Власть перемещается в Лос-Анджелес. Мы все время идем на запад. Пересекаем Тихий океан. Вот власть находится в Токио, скоро она будет в Китае. А из Китая она вернется в Индию. Вот так выглядит географическая история власти и вероятная траектория ее движения по континентам и нациям.

– Другая тема. Безработица во Франции.

Исидор Катценберг набрал в легкие воздуха:

– Что касается современных западных обществ, скорее всего они решат проблему безработицы. Десять процентов населения станет очень много работать в творческих профессиях, а девяносто процентов не будет работать вовсе или время от времени, как простые исполнители. Десять креативных процентов будут в основном манипулировать идеями. Они страстно преданы работе, посвятят ей все свое время, получают много денег, тратить которые им будет просто некогда.

– А остальные? – прервала его девушка.

– Остальные? Ну, остальные девяносто некреативных процентов станут часто менять место работы, мало зарабатывать, мало интересоваться самим трудом, зато будут бесконечно развлекаться. Будут, кстати, идентифицировать себя не по профессии, а скорее всего по своим хобби. Я очень верю в развитие добровольческих ассоциаций. Например, девушка, временно работающая секретарем, иногда подрабатывающая няней и периодически снимающаяся в кино в эпизодических ролях, будет представляться как член районной ассоциации, борющейся за охрану окружающей среды.

– Я не поняла, почему вы утверждаете, что представители творческих профессий будут «манипулировать идеями»?

– В будущем нет открытий, изобретений и кардинальных нововведений. Технологии будут распространяться одновременно и повсеместно, у людей будут одинаковые машины, одинаковый стиральный порошок, одинаковые компьютеры. Зачем же тогда предпочитать один товар другому? Все решит небольшой перевес в дизайне, цвете, названии, подаче марки. Все будет зависеть от удачного слогана и способа презентации.

– Но это несправедливо по отношению к некреативному населению.

Тут мы переходим к другой, дорогой мне теме: к образованию. Можно надеяться, что в далеком будущем школа позволит каждому развить врожденные способности к творчеству. Возникнет рынок искусств и общения, который и подготовит наступление новой эры.

– Врожденный дар есть не у всех! – воскликнула девушка.

– У всех, – заверил ее Исидор Катценберг. – Но люди не умеют его найти и использовать. Школа должна помочь им в этом. И надо будет уже не «работать», а бесконечно развивать врожденный дар, используя на благо людей, всего общества свою непохожесть и талант. Мы будем не «работать», а «заниматься» тем, для чего каждый из нас рожден.

Лукреция искала слабое место в рассуждениях толстяка.

– А в области мысли?

– Однажды человек станет духовным. Библия, кстати, всегда об этом говорила. Вспомните десять заповедей. Еврейская религия не судит. Когда она говорит «не убий», она говорит о будущем. Она не говорит: «Не убивай, иначе будешь наказан». Она говорит: «Однажды ты перестанешь убивать», то есть «ты поймешь однажды, почему убивать бессмысленно». Однажды ты поймешь, почему бессмысленно красть, лгать и так далее. Однажды мы станем духовны.

Лукреция погрузилась в созерцание древа будущего.

– Почему вы вкладываете столько сил в это, Исидор?

Он улыбнулся.

– Из эгоизма. Мне хочется жить среди спокойных людей. Когда люди счастливы, им нет

дела до окружающих. То есть для того, чтобы я, Исидор Катценберг, хорошо себя чувствовал, необходимо, чтобы все человечество и вселенная в целом чувствовали себя точно так же. А теперь идите за мной, Лукреция, нас ждет новая задача.

Он повел ее в большой зал, занимавший большую часть первого этажа. Там он вытащил из шкафа другую белую доску, точно такую же, как та, которую девушка видела в маленькой комнатке, положил ее на стопку книг и написал красным фломастером:

«Древо прошлого».

Словно фокусник, Исидор достал откуда-то бутылку шампанского и два бокала.

– Отпразднуем начало.

Они чокнулись. Выпили. Затем Исидор собрался с мыслями и принялся по памяти исписывать ствол и ветви на доске – изобретения, династии, империи, научные исследования, битвы, народные бунты, революции, кризисы, социальные движения... Великие события прошлого и основные повороты истории. Исидор старался ничего не забыть.

Он начал с сегодняшнего дня и двинулся назад сквозь десятилетия и века.

Через час он утомленно провел рукой по лбу. Все это время восхищенная Лукреция не издавала ни звука. Она смотрела на древо человеческого прошлого, растущее сверху вниз, словно на растение, корни которого растут как при ускоренной съемке.

– Конечно, остается тайна происхождения, – заметил Исидор, созерцая свое произведение. – «Когда» и «Почему» появилось первое человеческое существо.

Синим фломастером он добавил последний штрих, вопросительный знак в зоне, обозначающей период 2-4 миллиона лет тому назад.

– Профессор Аджемьян, наверное, знал это, – напомнила стажерка.

Исидор Катценберг посмотрел на доску и на пустующее пространство внизу древа.

– В таком случае лучше всего вернуться и как следует обыскать его квартиру.

– Я уже это сделала, и ничего особенного не нашла.

Толстяк аккуратно закрыл фломастеры колпачками и поставил их в деревянный стаканчик.

– Если кто-то хотел превратить в пепел место преступления, – сказал он, – значит, там есть то, что хотят от нас спрятать.

21. В ГЛУБИНЕ ПЕЩЕРЫ

Стая смотрит на проливной дождь и радуется тому, что находится в укрытии. То, что хозяин пещеры еще не напал на них, придает им смелости. Пещеру, наверное, покинули. Дети хотят исследовать ее в глубь. Родители слишком устали, чтобы удерживать их. И вот, от безделья или из любопытства, молодежь решает пойти посмотреть, что же находится там, в глубине.

Они идут вперед маленькими шагами.

Сначала они находят экскременты шакалов.

Дальше – экскременты гиеновидных собак.

Они углубляются дальше в лабиринт. Свет дня почти не достигает этих мест.

Войдя в пещеру, ОН смутно чувствует, что здесь произошло что-то странное.

Здесь пахнет кровью и битвой.

22. МЕСТО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Пахнет воском и чистящим средством.

Консьержка на совесть убрала подъезд. Исидор Катценберг посмотрел на ряд почтовых ящиков и попросил Лукрецию вскрыть швейцарским ножом тот, на котором было имя профессора Аджемьяна.

– Зачем? – спросила девушка.

– Чтобы точно узнать дату его смерти. Достаточно посмотреть на почтовые штемпели, чтобы понять, когда профессор перестал вынимать почту.

Лукреция послушалась.

Исидор достал кипу писем. Самый ранний штемпель подтвердил тот факт, что уборщица обнаружила труп на другой день после преступления.

Они поднялись. Дверь в квартиру оставалась незапертой, и они беспрепятственно проникли в нее. В углах потолка пауки уже начали плести паутину. Лукреция провела Исидора в кабинет покойного. Она снова посмотрела на картины, в основном изображавшие обезьяньи морды, и в голову ей пришла одна идея. Она по очереди снимала картины со стены и наконец нашла то, что искала, – за рисунком, на котором маленькая рыбка спрашивала маму, кто первым вышел из воды. Сейф, спрятанный в стене, был снабжен тремя кодовыми колесиками, которые бывшая воспитанница детского дома немедленно принялась крутить.

Исидор Катценберг включил верхний свет.

– Вы с ума сошли! Нас заметят!

Ничего, – успокоил он ее. – Я предпочитаю проводить расследование при свете, а не в потемках. Полиция сюда не вернется, а соседи слишком трусливы, чтобы реагировать на подозрительный шум или свет.

– А человек в обезьяньей маске?

– Он тоже еще не готов сюда вернуться. Мало того, Исидор Катценберг не стал лишать себя удовольствия и включил музыкальный центр. В комнате раздалось хоровое пение пигмеев. Он порывлся в бар и достал бутылку коньяку.

– Я смотрю, вы особо не стесняетесь, проводя расследования, – сказала Лукреция, ожесточенно крутя колесики. – Может, лучше поможете мне открыть сейф? В нем точно разгадка тайны.

– Вы отлично справляетесь без меня, – ответил он, разгуливая вдоль книжных полок.

Вытащил какую-то книгу и устроился в кресле, листая ее.

– Я хочу проникнуться окружающей обстановкой и настроением жертвы перед смертью, – пояснил он.

– И каково же было состояние профессора Аджемьяна перед смертью?

– Он был большим ценителем коньяка и детективов. Ученые часто любят детективы с запутанным сюжетом, а современная литература сплошь состоит из автобиографий, написанных великолепным языком, но сюжет в них еле теплится. Складывается впечатление, что современные писатели забыли, что они потомки обитателей пещер, которые инстинктивно чувствовали, как надо преподнести и приукрасить события утренней охоты вечером у костра. А ведь это питательная почва всех романов.

Лукреция, высунув от напряжения язык, продолжала сражаться с тремя колесиками.

– А-а, – сказала она, – все-таки признаете, что отрывать от корней нельзя.

Исидор Катценберг полистал еще несколько книг, затем, словно подчиняясь какой-то мысли, взял несколько ручек с письменного стола. Достал ластик, положил его под блокнот.

– Вы что там, развлекаетесь? – спросила журналистка, прикинув ухом к сейфу. – В вашем возрасте пора прекращать баловаться с ручками и ластиками.

– Я понял, – сказал он спокойно.

– Что поняли?

– Практически всю историю убийства профессора Аджемьяна.

Лукреция посмотрела на собеседника.

– Уже? Три человека знают правду о недостающем звене. Профессор Аджемьян доверял им, и один из них его убил.

Девушка широко раскрыла глаза.

– Откуда вы знаете?

– Дайте вашу пудреницу.

Лукреция молча протянула Исидору пластмассовую коробочку.

Он посыпал пудрой страницу блокнота, затем осторожно сдул лишнее. Пудра осталась только в оттиснутых на бумаге линиях. Лукреция подошла и отчетливо увидела три имени: профессор Сандерсон, профессор Конрад, доктор Ван Лизбет.

Внизу была приписка: «Клуб «Откуда мы?» теперь должен мне помочь. Я нуждаюсь в вас, чтобы раскрыть тайну. Я свяжусь с вами, когда придет время, и тогда вы обязательно должны будете прийти».

23. ЕЩЕ ДАЛЬШЕ В ГЛУБЬ ПЕЩЕРЫ

Стая медленно продвигается вперед. Старшие присоединились к молодежи. Они находят экскременты льва. Замедляют шаг. До них эту пещеру посетили крупные животные, оставили следы своего пребывания, но почему-то ушли.

Кто же мог испугать льва?

Все чувствуют опасность, но продолжают идти вперед. Вдруг они слышат какое-то глухое ворчание. Они надеются, что это шум подземной реки. Если пещера необитаема и в ней есть подземная река, то это была бы удача! Всем сразу хочется поселиться здесь надолго. Беременные самки выбирают уголки для малышей. Некоторые самцы украдкой мочатся на землю, помечая понравившиеся им места.

Шум прекращается. Значит, это не река.

Вожак вопросительно ворчит в ответ.

Они продолжают углубляться в пещеру. Становится все темнее и просторнее. Теперь они в полной темноте, но их слух и обоняние развиты достаточно хорошо, и они понимают, где находятся стены, и чувствуют чужое присутствие.

Вновь раздается странное ворчание.

Новый ответ вожака, на этот раз чуть более решительный. Он не позволит себя запугать.

Они находят испражнения с сильным запахом. Они не знают, какому животному принадлежат эти экскременты, пробуют их и понимают, что это хищник, да еще и очень опасный.

В экскрементах чувствуются даже останки взрослого льва. По спинам их пробегает дрожь. Взрослый лев всегда казался им сильнее всех на свете...

Самки предлагают повернуть назад. Вожак снова ворчит, давая понять, что решение будут принимать не самые трусливые представители стаи. Они идут дальше, кто-то спотыкается об остов грудной клетки льва.

Опять странный звук. Шумное дыхание.

Дети замедляют шаг. Самки тоже. Сильные самцы не хотят так легко сдаваться. Слабые не хотят казаться такими же малодушными, как самки. Они выпускают негромкие крики, как бы прося притаившегося где-то монстра показаться.

Что тот немедленно и делает.

В первую же секунду гибнут двое. Куски их тел разлетаются в разные стороны. Слышен только хруст костей в мощных, перемалывающих добычу челюстях.

Они не видят того, кто находится перед ними, ясно лишь, что он огромен.

24. ДЫМ И ПАР

Исидор Катценберг зажег лампу на письменном столе профессора Аджемьяна, чтобы лучше рассмотреть листок блокнота.

– Итак, есть некий клуб «Откуда мы?», члены которого ведут изыскания, связанные с происхождением человека. Профессор Аджемьян написал одному из них и попросил о помощи. Выбор, без сомнения, был неудачным, так как этот человек, вместо того чтобы помочь профессору, убил его.

Девушка кивнула, затем осмотрела комнату в поисках инструмента. Взяв в руки один из ледорубов, она воспользовалась им как рычагом, чтобы взломать сейф.

– Ваш стиль решения проблем – разрубание гордиева узла? – спросил Исидор Катценберг.

– Что такое гордиев узел?

– В древности Александру Великому показали однажды веревку, завязанную узлом. Все утверждали, что развязать узел невозможно. Александр сначала попытался развязать его, а потом разрубил узел мечом. С тех пор это выражение относится к людям, у которых не хватает терпения спокойно решить проблему.

– Мой стиль – простое и быстрое решение проблем.

Лукреция сделала еще одно усилие, и дверца сейфа соскочила с петель. Девушка посветила внутрь карманным фонариком. Двенадцать купюр по двести франков и несколько порнографических журналов, которые она бросила на пол. Все.

Исидор Катценберг приглушил пигмейские песни и подошел взглянуть на колесики замка и сейф. Он был восхищен:

– Две цифры кода из трех? Это вы в детском доме научились взламывать сейфы?

– Таков был мой выбор, – сказала девушка скромно. – Я хотела сделать карьеру в большом бандитизме. После приюта есть только два пути: бандитизм и проституция.

– А что вам не понравилось в проституции? – спросил Исидор.

– Мне слишком нравится заниматься любовью, и я не вынесу, если это станет ремеслом. Быть взломщицей у меня неплохо получалось.

– Почему же переключились на журналисты?

Исидор удобно уселся на софе, прогнувшись под его весом, и Лукреция стала рассказывать ему свою историю.

Журналистикой она занялась случайно. Это было в Камбрэ, на севере Франции. Она грабила пустовавшую квартиру в богатом квартале. Девушка уже складывала в сумку серебро – его легче сбыть, чем картины, – когда услышала, что в двери поворачивается ключ. Торопливо погасив фонарик, она спряталась за портьерой. Но это ей не помогло. Пришедший быстро заметил беспорядок в столовой, начал искать преступницу и вытащил ее из укрытия.

Хозяин был настоящий здоровяк. Юная Лукреция тут же поняла, что, несмотря на все успехи в «приют-квондо», ей с ним не справиться. Она решила разжалобить его.

Она продемонстрировала хозяину коронный номер: маленькая бедная сиротка, брошенная родителями в нищете. Она рассказала о нечеловеческих условиях жизни в церковном приюте. В ход пошли всевозможные легенды: монахини – сторонницы телесных наказаний, принуждение к лесбийским отношениям...

Они проговорили всю ночь. Хозяин квартиры оказался главным редактором районной ежедневной газеты. Он и не думал сердиться на взломщицу, похвалил ее силу духа, воображение и способность к адаптации – качества, которых, по его мнению, так не хватало журналистской братии. Он пожаловался, что в современных редакциях работают люди с воображением

чиновников, подсчитывающие рабочие часы, которые они проводят в тепле, и не желающие провести расследование на месте событий. От молодежи мало проку, новички приходят по протекции и становятся такими же никчемными и пресыщенными, как и старшее поколение.

Он был покорен твердостью и предприимчивостью Лукреции Немро и предложил ей место стажера в своей газете в Камбрэ.

Сначала Лукреция вела рубрику происшествий. Затем перешла к репортажам о деревенских конкурсах «Мисс Мокрая Майка» или «Самая большая тыква», потом – к заметкам о забастовках и несчастных случаях на шахтах. Через год, сочтя, что ученица делает большие успехи и ее ждет настоящая карьера, главный редактор посоветовал Лукреции не терять больше времени в провинции и ехать в Париж. Он рекомендовал ее товарищу по Школе журналистов, Франку Готье, заведующему научной рубрикой в «Современном обозревателе».

– По сути, мы с вами пришли в журналистику примерно одним и тем же путем, – заметил Исидор Катценберг. – Я – из полиции, вы – из преступного мира.

Он встал и прошелся по комнате.

– Вы привыкли быстро оценивать обстановку. Пожалуйста, вспомните, что вам бросилось в глаза, когда вы вошли сюда в первый раз?

Она задумалась.

– Статьи. Я была потрясена убежденностью профессора Аджемьяна. Во всех статьях он заявлял, что нашел недостающее звено.

Ответ не удовлетворил толстяка.

– Нет, – сказал он. – Наверняка здесь было что-то необычное. Что именно заставило вас подумать, что убийство не было совершено серийным убийцей, как утверждала полиция?

Девушка наморщила лоб, чтобы сосредоточиться.

– Я осмотрела комнату... Портреты обезьян. Скелеты на кронштейнах.

– Закройте глаза, – предложил Исидор Катценберг. – Представьте себе, как все было. Переживите вновь каждую секунду после того, как переступили порог квартиры, где произошло преступление. Что вам показалось странным?

Лукреция зажмурила глаза, затем открыла их.

– Увы. Не знаю.

– Снова закройте глаза, вдохните глубже, – сказал он, словно хотел ее загипнотизировать. – Сделайте еще один вздох. Напитайте ваш мозг, каждый нейрон. Разбудите заснувшие участки. Просмотрите фильм в замедленном темпе. Что вас навело на мысль о том, что это не обычное убийство?

Лукреция потерла виски, закрыла глаза и вдруг широко открыла их.

– Поза трупа! – воскликнула она. – Он сидел в ванне и протягивал палец вперед, к зеркалу.

Они оба бросились в ванную комнату.

– Я тогда еще подумала: «Как будто указывает на убийцу»...

Исидор Катценберг осмотрел зеркало.

– Или хочет написать что-то на стекле.

Лукреция с сомнением покачала головой.

– Даже если он и успел написать что-то на запотевшем зеркале, нам это ничего не дает. Тут столько народу прошло, столько сквозняков было, что все уже пропало.

– Может быть, и нет, – сказал Исидор Катценберг.

Он закрыл дверь и открутил кран с горячей водой на полную мощность. Клубы пара вскоре заполнили помещение. Когда ванная практически превратилась в сауну, он выключил воду. И открыл дверь, чтобы пар рассеялся.

На зеркале показалось нечто, напоминающее цифру. Вначале юная журналистка решила,

что это пятерка, но изгиб линий был другим. Это была не цифра, а буква.

С.

Луcreция была поражена.

– Детское воспоминание, – заметил Исидор. – Палец всегда оставляет слабый след жира на стекле. Очень тонкий след, но он проявится под воздействием пара даже спустя долгое время.

Они осмотрели букву.

– С – скорее всего первая буква имени убийцы, – предположила Луcreция.

Они вернулись к столу, на котором лежал листок, посыпанный порошком. С... В списке профессора Пьера Аджемьяна был лишь один человек с именем, начинавшимся на эту букву. Профессор Сандерсон.

– Бенуа Сандерсон! – воскликнул Катценберг. – Светило астрономии из Медонской обсерватории.

Конец ознакомительного отрывка книги

[Скачать полный вариант книги](#)